В.В.Розанов

А П О К А Л И П С И С

НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Сергиев Посад

1917 - 1918

РЕПУБЛИЧКА
ГЕОЛОШКИ ЗАВОД
БИБЛИОТЕКА

№ 1. Цѣна 35 коп.

В. Розановъ.

Апокалипсисъ нашего времени.

1. Разсыпанное царство.
2. Какъ мы умираемъ.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ М. С. Елова.

1917.

Къ читателю.

Мною съ 15-го ноября будутъ печататься двухъ недѣльные или ежемѣсячные выпуски подъ общимъ заголовкомъ: „Апокалипсисъ нашего времени". Заглавіе не требующее объясненій, въ виду событій, носящихъ не мнимо апокалипсическій характеръ, но дѣйствительно апокалипсическій характеръ. Нѣтъ сомнѣнія, что глубокій фундаментъ всего теперь происходящаго, заключается въ томъ, что въ европейскомъ (всемъ,—и въ томъ числѣ русскомъ) человѣчествѣ образовались колоссальныя пустоты отъ былого христіанства; и въ эти пустоты проваливается все: троны, классы, сословія, трудъ, богатства. Все потрясено, всѣ потрясены. Всѣ гибнутъ, все гибнетъ. Но все это проваливается въ пустоту души, которая лишилась древняго содержанія.

Выпуски будутъ выходить маленькими книжками.

Складъ въ книжномъ магазинѣ М. С. Елова, Сергіевъ Посадъ, Московск. губ.

Разсыпанное царство.

Филаретъ Святитель Московскій былъ послѣдній (не единственный-ли?) великій іерархъ Церкви Русской... „Былъ крестный ходъ въ Москвѣ. И вотъ всѣ прошли,—архіереи, митрофорные іереи, купцы, народъ; пронесли иконы, пронесли кресты, пронесли хоругви. Все кончилось, почти... И вотъ поодаль отъ послѣдняго народа шелъ онъ. Это былъ Филаретъ".

Такъ разсказывалъ мнѣ одинъ старый человѣкъ. И прибавилъ, указывая отъ полу—на крошечный ростъ Филарета:

—„ И я всѣхъ забылъ, все забылъ: и какъ вижу сейчасъ—только его одного".

Какъ и я „все забылъ" въ Московскомъ университетѣ. Но помню его глубокомысленную подпись подъ своимъ партретомъ въ актовой залѣ.

Слова, выговоры его были разительны. Совѣты мудры (императору, властямъ). И весь онъ былъ великолѣпенъ.

Единственный...

Но что-же „опрежъ того" и „потомъ"?—неза-

мѣтное, дроби. „Мы ихъ видѣли“ (отчасти). *Nota bene.* Всѣ сколько-нибудь выдающіеся были уже съ „ересью потаенною“. Незамѣтно, безмолвно, но съ ересью. Тогда—какъ Филаретъ былъ „во всемъ правъ“.

Онъ даже Сѵнодъ чтилъ. Былъ „сознательный сѵнодалъ“. И Николая Павловича чтилъ—хотя отъ него-же былъ „уволенъ въ отпускъ отъ Сѵнода и не появлялся никогда тамъ“ [1]). Тутъ—не въ церкви, но въ императорствѣ—уже совершился или совершался переломъ, надломъ. Какъ было великому Государю, и столь консервативному, не содѣлать себѣ ближнимъ совѣтникомъ величайшій и тоже консервативный умъ перваго церковнаго свѣтила за всю судьбу Русской Церкви?

Разошлись по мелочамъ. Правъ этотъ бѣсъ Гоголь.

Между тѣмъ Пушкинъ, Жуковскій, Лермонтовъ, Гоголь, Филаретъ—какое осіяніе Царства. Но Николай хотѣлъ одинъ сіять „со своимъ другомъ Вильгельмомъ-Фридрихомъ“

[1]) Столкновеніе съ оберъ-прокуроромъ, генераломъ Протасовымъ. „Шпоры генерала цѣпляются за мою мантію“ выразился Филаретъ заочно. Это было донесено Государю.

которымъ-то. Это былъ плоскій баранъ, запутавшійся въ терновникѣ, и уже пріуготованный къ закланію (династія).

И вотъ рушилось все, разомъ, царство и церковь. Попамъ лишь непонятно, что церковь разбилась еще ужаснѣе, чѣмъ царство. Царь выше духовенства. Онъ не ломался, не лгалъ. Но видя, что народъ и солдатчина такъ ужасно отреклись отъ него, такъ предали (ради гнусной распутинской исторіи), и тоже—дворянство (Родзянко), какъ и всегда фальшивое „представительство", и тоже—и „господа купцы",—написалъ просто, что въ сущности онъ отрекается отъ такого подлаго народа. И сталъ (въ Царскомъ) колоть ледъ. Это разумно, прекрасно и полномочно.

„Я человѣкъ хотя и маленькій, но у меня тоже 32 ребра" („Дѣтскій міръ").

Но Церковь? Этотъ-то Андрей Уфимскій? Да и всѣ. Раньше ихъ было „32 іерея" съ желаніемъ „свободной церкви" „на канонахъ поставленной". Но теперь всѣ 33333.... 2...2...2...2 іерея и подъ-іерея и сверхъ-іерея подскочили подъ-соціалиста, подъ-жида и не подъ-жида [1]);

[1]) Пишу безъ порицанія и ироніи, а лишь въ томъ оттѣненіи, что для духовенства и въ его словообро-

и стали вопить, глаголать и сочинять, что „церковь Христова и всегда была въ существѣ соціалистической", и что особенно она ужь никогда не была монархической, а вотъ только Петръ Великій „принудилъ насъ лгать".

Русь слиняла въ два дня. Самое большее—въ три. Даже „Новое Время" нельзя было закрыть такъ скоро, какъ закрылась Русь. Поразительно, что она разомъ разсыпалась вся, до подробностей, до частностей. И, собственно, подобнаго потрясенія никогда не бывало, не исключая „Великаго переселенія народовъ". Тамъ была—эпоха, „два или три вѣка". Здѣсь—три дня, кажется, даже два. Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочаго класса. Что-же осталось-то? Страннымъ образомъ—буквально ничего.

Остался подлый народъ, изъ коихъ вотъ одинъ, старикъ лѣтъ 60-ти, „и такой серьезный", Новгородской губерніи, выразился: „изъ

такъ они всегда были въ уничижительно-презрѣнномъ смыслѣ „жидами". Но дѣло поворачивается къ Апокалипсису, съ его „пѣснью Моисея, раба Божія", и объ нихъ еще долгіе сказы,—какъ оказывается—болѣе долгіе, чѣмъ о нашей несчастной Руси.

бывшаго цяря надо бы кожу по одному ремню тянуть". Т. е. не сразу сорвать кожу какъ индійцы скальпель, но надо по-русски вырѣзывать изъ его кожи ленточка за ленточкой.

И что̀ ему царь сдѣлалъ, этому „серьезному мужичку" [1]).

Вотъ и Достоевскій....

Вотъ тебѣ и Толстой, и Алпатычъ, и „Война и Миръ".

Что-же въ сущности произошло? Мы все шалили. Мы шалили подъ солнцемъ и на землѣ, не думая, что̀ солнце видитъ и земля слушаетъ. Серьёзенъ никто не былъ, и, въ сущности, цари были серьезнѣе всѣхъ, такъ-какъ даже Павелъ, при его способностяхъ, еще „трудился" и былъ рыцарь. И, какъ это нерѣдко случается,—„жертвою палъ невинный". Вѣчная исторія и все сводится къ Израилю и его тайнамъ. Но оставимъ Израиля, сегодня дѣло до Руси. Мы въ сущности играли въ литературѣ. „Такъ хорошо написалъ". И все дѣло было въ томъ, что „хоро-

[1]) Разсказъ мнѣ въ мѣстечкѣ Суда (станція Николаевской ж. д.), Новгородской губ., г-жи Непенной, жены управляющаго хозяйственною частью „Нов. Времени".

що написалъ", а что „написалъ"—до этого никому дѣла не было. По *содержанію* литература русская есть такая мерзость, — такая мерзость безстыдства и наглости,—какъ ни *единая литература*. Въ *большомъ* Царствѣ, съ большою силою, при народѣ трудолюбивомъ, смышленомъ, покорномъ,—что она сдѣлала? Она не выучила и не внушила выучить — чтобы этотъ народъ хотя научили гвоздь выковывать, серпъ исполнить, косу для косьбы сдѣлать („вывозимъ косы изъ Австріи", — географія). Народъ росъ совершенно первобытно съ Петра Великаго, а литература занималась только, „какъ они любили" и „о чемъ разговаривали". И всѣ „разговаривали" и только „разговаривали", и только „любили" и еще „любили".

Никто не занялся тѣмъ (и я не читалъ въ журналахъ ни одной статьи—и въ газетахъ тоже ни одной статьи), что въ Россіи нѣтъ ни одного аптекарскаго магазина, т. е. сдѣланнаго и торгуемаго русскимъ человѣкомъ,—что мы не умѣемъ изъ морскихъ травъ извлекать іоду, а горчишники у насъ „французскіе", потому что русскіе все-человѣки не умѣютъ даже намазать горчицы разведен-

ной на бумагу съ закрѣпленіемъ ея „крѣпости“, „духа“. Что же мы умѣемъ? А вотъ, видите ли, мы умѣемъ „любить“ какъ Вронскій Анну и Литвиновъ Ирину и Лежневъ Лизу и Обломовъ Ольгу. Боже, но любить нужно въ семьѣ; но въ семьѣ мы кажется не особенно любили, и, пожалуй, тутъ тоже вмѣшался чертовъ бракоразводной процессъ („люби по долгу, а не по любви“). И вотъ церковь-то первая и развалилась, и, ей-ей, это кстати и „по закону“...

Какъ мы умираемъ?

Ну, что-же: пришла смерть и значитъ пришло время смерти.

Смерть, могила для 1/6 части земной суши. „Простое этнографическое существованіе для былого Русскаго Царства и имперіи“, о которомъ уже поговариваютъ, читаютъ лекціи, о которомъ могутъ думать, съ которымъ въ сущности мирятся. Какіе-то „полабскіе славяне“, въ которыхъ преобразуется *былая* Русь.

„*Былая* Русь“... Какъ это выговорить? А уже выговаривается.

Печаль не въ смерти. „Человѣкъ умираетъ не когда онъ созрѣлъ, а когда онъ доспѣлъ". Т. е. когда жизненные соки его пришли къ состоянію, при которомъ смерть становится *необходима и неизбѣжна.*

Если нѣтъ смерти человѣка „безъ воли Божіей", то какъ мы могли-бы допустить, могли-бы подумать, что можетъ настать смерть народная, царственная „безъ воли Божіей"? И въ этомъ весь вопросъ. Значитъ, Богъ не захотѣлъ болѣе быть Руси. Онъ гонитъ ее изъ подъ солнца. „Уйдите, ненужные люди".

Почему мы „ненужные"?

Да уже давно мы писали въ „золотой своей литературѣ": „Дневникъ *лишняго* человѣка". „Записки *ненужнаго* человѣка". Тоже—„*праздная* человѣка". Вы думали „*подполья*" всякія... Мы какъ-то притаились отъ свѣта солнечнаго, точно стыдясь за себя.

Человѣкъ, который стыдится себя?—развѣ отъ него не застыдится солнце? Солнышко и человѣкъ—въ связи.

Значитъ, мы „не нужны" въ подсолнечной и уходимъ въ какую-то ночь. Ночь. Небытіе. Могила.

Мы умираемъ какъ фанфароны, какъ актеры.

„Ни креста, ни молитвы". Ужъ если при смерти чьей нѣтъ креста и молитвы—то это у русскихъ. И странно. Всю жизнь крестились, богомолились: вдругъ смерть и мы сбросили крестъ. „Просто, какъ православнымъ человѣкомъ русскій никогда не живалъ". Переходъ въ соціализмъ и значитъ въ полный атеизмъ совершился у мужиковъ. у солдатъ до того легко, точно „въ баню сходили и окатились новой водой". Это—совершенно точно, это дѣйствительность, а не дикій кошмаръ.

Собственно, отчего мы умираемъ? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ,—какъ выразить въ одномъ словѣ, собрать въ одну точку? Мы умираемъ отъ единственной и основательной причины: *неуваженія себя.* Мы собственно самоубиваемся. Не столько „солнышко насъ гонитъ", сколько мы сами гонимъ себя. „Уйди ты, чертъ".

Нигилизмъ... Это и есть нигилизмъ,—имя, которымъ давно окрестилъ себя русскій человѣкъ, или, вѣрнѣе—имя, въ которое онъ раскрестился.

—Ты кто? блуждающій въ подсолнечной?

—Я нигилистъ.

—Я только *дѣлалъ видъ*, что молился.

—Я только дѣлалъ видъ, что *живу въ царствѣ*.

—На самомъ дѣлѣ—я самъ себѣ свой человѣкъ.

—Я рабочій трубочнаго завода, а до остальнаго мнѣ дѣла нѣтъ.

—Мнѣ-бы поменьше работать.

—Мнѣ-бы побольше гулять.

—А мнѣ-бы не воевать.

И солдатъ бросаетъ ружье. Рабочій уходитъ отъ станка.

—Земля—она должна сама родить.

И уходитъ отъ земли.

—Извѣстно, земля Божія. Она всѣмъ поровну.

Да, но не Божій ты человѣкъ. И земля, на которую ты надѣешься, ничего тебѣ не дастъ. И за то, что она не дастъ тебѣ, ты обагришь ее кровью.

Земля есть Каинова и земля есть Авелева. И твоя, русскій, земля есть Каинова. Ты проклялъ свою землю и земля прокляла тебя. Вотъ нигилизмъ и его формула.

И солнышко не свѣтитъ на чернаго человѣка. Черный человѣкъ ему не нуженъ.

Замѣчательно, что мы уходимъ въ землю упоенные. Мы начинали войну самоупоённые:

помните, этотъ августъ мѣсяцъ, и встрѣчу Царя съ народомъ, гдѣ было все притворно? И побѣды,—гдѣ самая замѣчательная была побѣда казака Крючкова, по обыкновенію отрубившаго семь головъ у нѣмцевъ. И это Меньшиковское храброе—„Должны побѣдить". И Долиной—побѣдные концерты, въ циркѣ Чинизелли и потомъ въ Царскомъ. Да почему „должны побѣдить?" Побѣда создается не на войнѣ, а въ мирное время. А мы въ мирное время ничего не дѣлали, и ужъ если что мы знали хорошо, то это—то, что равно ничего не дѣлаемъ. Но дальше еще лучше. Ужъ если чѣмъ мы упились восторженно, то это—революціей. „Полное исполненіе желаній". Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ мы не сыты. „Ужъ самъ жаждущій когда утолился, и голодный—насытился, то это въ революцію". И вотъ еще не износилъ революціонеръ первыхъ сапоговъ—какъ трупомъ валится въ могилу. Не актеръ-ли? Не фанфоронъ-ли? И гдѣ-же наши молитвы? и гдѣ-же наши кресты? „Ни одинъ попъ не отпѣлъ-бы такого покойника".

Это колдунъ, оборотень, а не живой. Въ немъ живой души нѣтъ и не было.

— Нигилистъ.

О нигилистахъ панихидъ не правятъ. Ограничиваются: „ну его къ черту“.

Окаянна была жизнь его, окаянна и смерть.

1/6 часть суши. Упоенная революція, какъ упоенна была и война. „Мы побѣдимъ“. О, непремѣнно. Такъ не есть-ли это страшный фактъ, что 1/6 часть суши какъ-то все произращала изъ себя „волчцы и терніи“, пока солнышко не сказало: „мнѣ не надо тебя“. „Мнѣ надоѣло свѣтить на пустую землю“.

Нигилизмъ. —„Что-же растетъ изъ тебя“?

—Ничего.

Надъ „ничего“ и толковатя нѐ о чемъ.

—Мы не уважали себя. Суть Руси, что она не уважаетъ себя.

Это понятно. Можно уважать трудъ и потъ, а мы не потѣли и не трудились. И то, что мы не трудились и не потѣли, и есть источникъ, что земля сбросила насъ съ себя, планета сбросила.

По заслугамъ-ли?

Слишкомъ.

Какъ 1.000 лѣтъ существовать, прожить княжества, прожить царство, имперію, со всѣми придти въ связь, надѣть плюмажи, шля-

пу, сдѣлать богомольный видъ: выручаться, сояственно — выручать самого себя „нигилистомъ" (потому-что по нормальному это вѣдь есть ругательство) и умереть.

Россія похожа на ложнаго генерала, надъ которымъ какой-то ложный попъ поетъ панихиду. „На самомъ-же дѣлѣ это былъ бѣглый актеръ изъ провинціальнаго театра"

Самое разительное и показующее все дѣло, всю суть его, самую сутеньку—заключается въ томъ, что „ничего въ сущности не произошло". „Но все—разсыпалось". Что такое совершилось для паденія Царства? Буквально, —оно пало въ будлень. Шла какая-то „середа", ничѣмъ не отличаясь отъ другихъ. Ни—воскресенья, ни—субботы, ни хотя-бы мусульманской пятницы. Буквально, Богъ плюнулъ и задулъ свѣчку. Не хватало провизіи и около лавочекъ образовались хвосты. Да была оппозиція. Да царь скапризничалъ. Но когда же на Руси „хватало" чего-нибудь безъ труда еврея и безъ труда нѣмца? когда-же у насъ не было оппозиціи? и когда царь не капризничалъ. О, тоскливая пятница или понедѣльникъ, вторникъ...

Можно-же умереть такъ тоскливо, вонюче, скверно. —„Актеръ, ты-бы хоть жесть какой сдѣлалъ. Вѣдь ты всегда былъ „съ готовностью на Гамлета. „Помнишь свои фразы. А то даже Леонидъ Андреевъ ничего не выплюнулъ. Полная проза“.

„Да, ужъ если что „скучное дѣло“, то это— „паденіе Руси“.

Задуло свѣчку. Да это и не Богъ, а... шла пьяная баба, спотыкнулась и растянулась. Глупо. Мерзко. „Ты намъ трагедіи не играй, а подавай водевиль“.

Сергіевъ посадъ. Типографія И. И. Иванова.

№ 2. Цѣна 35 коп.

В. Розановъ.

Апокалипсисъ нашего времени.

1. Мое предвидѣніе.
2. Послѣднія времена.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ М. С. Елова.

1917.

Удобнѣе для читателя и меня, если „Апокалипсисъ нашего времени“ я переведу въ форму журнала,—однако не предполагая его издавать долго. Ограничиваясь пока мыслью дать всего *десять номеровъ*, я прошу желающихъ подписаться на него выслать подписную сумму, **3 руб. 50 коп.**, по адресу: *Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, Красюковка полевая улица, д. свящ. Бѣляева, В. В. Розанову.* Пересылку по почтѣ принимаетъ на себя авторъ издатель. Имя, фамилія и точный адресъ подписчика должны быть написаны чѣтко.

Мое предвидѣніе.

Я прочелъ въ „Новомъ Времени“, въ передовой статьѣ, что „съ Германіею Россія можетъ заключить миръ *хоть сейчасъ*, если уступитъ ей Курляндію и Лифляндію съ Ригою, и еще нѣкоторыя части отечественной территоріи. Думаю, что это изъ тѣхъ опасныхъ иллюзій, за которыя мы вообще уже столько поплатились. Не будемъ даже вспоминать слова Бисмарка, что „побѣжденному побѣдитель оставляетъ только глаза, чтобы было чѣмъ плакать“. Это совсѣмъ не нужно, т. е. припоминаній о Бисмаркѣ. Но нельзя представить себѣ, чтобы Германія, потерявъ во всякомъ случаѣ нѣсколько милліоновъ не населенія вообще, а той отборной части населенія, которую образуетъ армія, удовлетворилась крошечною территоріею съ такимъ-же числомъ только населенія. Нельзя вообще представить себѣ, чтобы Германія подъяла войну такой страшной опасности и риска, такой невѣроятной тяжести, ради разсчета на такое смѣхотворное пріобрѣтеніе. Несомнѣнно, она только успокаиваетъ насъ иллю-

зіей мира; и почти это входитъ въ составъ ея жестокости. Какъ это нужно и для побалованья и духовнаго обмана глупыхъ россійскихъ соціалистовъ. Какъ послѣдній аргументъ своей мысли, я беру то, что для Германіи,—оставь она цѣлою Россію и, такъ сказать, способною къ выздоровленію,—она, конечно, еще никогда не увидитъ ее столь беззащитною, съ арміею, которая просто кидаетъ оружіе и уходитъ домой. И воображать, что Германія не разработаетъ этотъ исключительный, этотъ невѣроятный случай, никогда ей и не мечтавшійся, со всѣмъ богатствомъ возможностей, со всѣмъ обиліемъ плода,—это просто показываетъ, что мы совершенные дѣти въ политикѣ.

И имѣю самыя печальныя предчувствія. Я думаю, она разработаетъ дѣло въ смыслѣ уже былого факта, такого же: именно—какъ было нѣкогда *завованіе Англіи норманами*. И Вильгельмъ, не мечтая нисколько о незаманчивой роли Наполеона, съ заключеніемъ на о-въ св. Елены, мнится гораздо болѣе удачливымъ жребіемъ второго Вильгельма Завоевателя. Конечно,—послѣ Петрограда онъ двинется на Москву, на Волгу, и завоюетъ *имен-*

на Великороссію, какъ центръ „Всея Руси", послѣ чего захватитъ и Малороссію съ Новороссіей,—причемъ ему и вознаградить союзника будетъ изъ чего. Мы вообще стоимъ передъ фактомъ завоеванія Россіи, покоренія Россіи,—къ чему *препятствій вовсе нѣтъ*. А таковое отсутствіе препятствій къ покоренію Россіи конечно никогда на протяженіи всей германской исторіи не повторится. И это не трудно предвидѣть, предсказать; и это въ Берлинѣ предвидится также хорошо, какъ—если бы были позорче люди въ Петроградѣ — можно было бы предвидѣть и въ Петроградѣ.

Защита Англіи и Франціи? Это такъ далеко. Не дессантъ-же имъ дѣлать. Да и Германія теперь дессанта уже не пропуститъ. Это вполнѣ въ ея власти, при владѣніи проливами около Эзеля и Даго. Да, освободивъ часть арміи изъ Россіи, она представитъ такую угрозу и самой Франціи и Англіи, съ какою имъ справиться будетъ чрезвычайно трудно. А, во всякомъ случаѣ, черезъ самое небольшое число лѣтъ, обогатившись всѣми средствами Россіи, и, между прочимъ, пользуясь и ея людскимъ матерьяломъ (вотъ у нѣмцевъ рус-

скіе солдаты и былые соціалисты пойдутъ въ сраженія!), Германія несомнѣнно расправится и съ Франціею, и съ Англіею, и съ Италіею. И моя почти шутливая игра воображенія въ „Итальянскихъ впечатлѣній". — „Возможный гегемонъ *Европы*" (отдѣльная глава) осуществится. Уже тогда было что-то такое въ Берлинѣ, что-то носилось въ самомъ воздухѣ, почему чувствовалось это. Да и пѣсенка: „Deutschland, Deutschland— über *alles*", можетъ быть была не столько реально-глупою, сколько вывѣренно-пророчественною, сколько жаднымъ аппетитомъ. Германскій волкъ золъ и толстъ. И нашей бѣдной Россіи, столицей передъ нимъ такимъ пушистымъ ягненкомъ, онъ не пощадитъ. А ягненокъ совершенно безащитенъ.

Хороши-же соціалисты и вообще всероссійская демократія: скормить, все отечество скормить, лютѣйшему врагу. Скормить не въ переносномъ смыслѣ, а въ буквальномъ. Но нельзя не сказать: хороши и „лучшіе люди Россіи", начинавшіе революцію въ такую рокковую войну, и, какъ оказалось потомъ, ничего рѣшительно не предвидѣвшіе. Ленинъ и соцалисты оттого и мужественны, что зна-

ютъ, что ихъ некому будетъ судить, что судьи будутъ отсутствовать, такъ-какъ они будутъ съѣдены. (*Октябрь*).

Послѣднія времена.

Не довольно-ли писать о нашей вопіющей Революціи,—и о прогнившемъ насквозь Царствѣ,—которыя во-истину стоятъ другъ друга. И—вернуться къ временамъ строгимъ, къ временамъ отвѣтственнымъ, къ временамъ страшнымъ...

Вотъ—Апокалипсисъ... Таинственная книга, отъ которой обжигается языкъ, когда читаешь ее, не умѣетъ сердце дышать... умираетъ весь составъ человѣческій, умираетъ и вновь воскресаетъ... Онъ открывается съ первыхъ же строкъ *судомъ надъ церквами Христовыми*,—тѣми, которыя были въ Малой Азіи, въ Лаодикіи, въ Смирнѣ, въ Ѳіатирѣ, въ Пергамѣ и другихъ городахъ. Но, очевидно, не Лаодикія, не Пергамъ, и проч., лежащія нынѣ въ руинахъ, на самомъ дѣлѣ имѣютъ значеніе для „послѣднихъ временъ“, какіе имѣлъ въ виду написатель странной книги. Но онъ разсмотрѣлъ посаженное Христомъ дерево,

и уловилъ съ невѣдомою для себя и для времени глубиною, что оно—*не* Дерево жизни; и предрекъ его судьбу въ то самое время, въ которое церкви только-что зарождались.

Никакого нѣтъ сомнѣнія, что Апокалипсисъ—не христіанская книга, а—противо-христіанская. Что „Христосъ" упоминаемый—хотя немного—въ немъ, „съ мечомъ, исходящимъ изъ устъ его", и съ ногами „какъ изъ камня сардиса и халкедона",—ничего-же не имѣетъ общаго съ повѣствуемымъ въ Евангеліяхъ Христомъ. Въ устроеніи Неба—ничего-же общаго съ какими-бы то ни было представленіями христіанскими. Вообще—„все новое"... Тайнозритель Самъ, волею своею и всемогуществующею ему Божіею волею,—срываетъ звѣзды, уничтожаетъ землю, все наполняетъ развалинами, все разрушаетъ: разрушаетъ—христіанство, страннымъ образомъ „плачущее и вопіющее", безсильное и никѣмъ не всемогуществуемое. И—сотворяетъ новое, какъ *утѣшеніе*, какъ „утертыя слезы" и „облеченіе въ *бѣлыя* одежды" Сотворяетъ радость жизни, на землѣ,—*именно на землѣ*,—превосходящую какую-бы то ни было радость, изжитую въ исторіи и испытанную человѣчествомъ.

Если-же окинуть всю вообще композицію Апокалипсиса, и спросить себя: —„да въ чемъ-же дѣло, какая *тайна* суда надъ церквами, откуда *гнѣвъ*, *ярость*, правъ рёвъ Апокалипсиса“ (ибо это книга ревущая и стонущая), то мы какъ разъ утыкемся въ наши времена: да—въ *безсиліи* христіанства устроить жизнь человѣческую,—дать „земную жизнь“, именно —земную, тяжелую, скорбную. Что и выразилось къ нашей минутѣ,—именно къ нашей, теперешней... въ которую „Христосъ не провозитъ хлѣба, а—желѣзныя дороги“, выразимся уже мы цинично и грубо. Христіанство вдругъ всѣ позабыли, въ одинъ моментъ,—мужики, солдаты,—потому-что оно *не всемогуществуетъ*: что оно не предупредило ни войны, ни безхлѣбицы. И только все поетъ, и только все поетъ. Какъ птичка. „Слушали мы васъ, слушали. И перестали слушать“.

Ужасъ, о которомъ еще не догадываются, больше, чѣмъ онъ есть: что не грудь человѣческая сгноила христіанство, а что христіанство сгноило грудь человѣческую. Вотъ рёвъ Апокалипсиса. Безъ этого не было-бы „земли новой“ и „неба новаго“. Безъ этого не было-бы вообще Апокалипсиса.

Апокалипсисъ требуетъ, зоветъ и велитъ новую религію. Вотъ его суть. Но что-же такое, что случилось?

Ужасно апокалиптично („сокровенно"), ужасно страшно: что люди, народы, человѣчество— *переживаютъ апокалиптическій кризисъ.* Но что само христіанство кризиса не переживаетъ. Это до того очевидно, до того читается въ самомъ Апокалипсисѣ, вотъ „въ самыхъ этихъ его строкахъ", что поразительно, какимъ образомъ ни единый изъ читателей и безчисленныхъ толкователей, этого совершенно не замѣтилъ. Народы „поютъ новую пѣснь", утѣшаются, облекаются въ бѣлую одежду и ходятъ „къ древу жизни", на „источники водъ". Куда ни папы, ни прежніе священники вовсе ни кого не водили.

Блудницы вопіютъ. Первосвященники плачутъ. Цари стонутъ. Народы извиваются въ мукахъ: *но—остатокъ отъ народа* спасается и получаетъ величайшее утѣшеніе, въ которомъ, однако, ни одной черты христіанскаго,—христіанскаго и церковнаго,—уже не сохраняется.

Но что-же, что-же это такое? почему Таинозритель такъ очевидно и неоспоримо говоритъ, что *человѣчество переживетъ* „свое хри-

стіанство" и *будетъ еще долго послѣ него жить:* судя по изображенію, ничѣмъ не оканчивающемуся,—безконечно долго, „вѣчно".

Проведемъ параллели:

Евангеліе—рисуетъ

Апокалипсисъ - ворочаетъ массами,

глыбами, творитъ.

Въ образахъ, которые силою превосходятъ евангельскія картины, а красотою не уступаютъ имъ, и которые пронзительны, кричатъ и вопіютъ къ небу и землѣ, онъ говоритъ, что еще не переплывшія за городки Малой Азіи церковки, — первыя общины христіанскія, — распространятся во всей Вселенной, по всему міру, по всей землѣ. И въ моментъ, когда настанетъ полное и казалось-бы окончательное торжество христіанства, когда „Евангеліе будетъ проповѣдано всей твари",—оно падетъ сразу и все, со своими царствами, „съ царями помогавшими ему", и —„восплачутъ его первосвященники". И что среди полнаго крушенія настанетъ совершенно „все новое", при „падающихъ звѣздахъ" и „небѣ, свившемся какъ свитокъ". „Перестанетъ небо", „перестанетъ земля", и станетъ „все новое", ни на что прежнее *не похожее.* Сказать это

за 2.000 лѣтъ, предречь съ нѣкоторыми до буквальности теперь сбывающимися исполненіями, перенесясь черезъ всю христіанскую исторію, какъ-бы пронзя „рогомъ“ такую толщу временъ и необъятность событій,—это до того странно, невѣроятно, что никакое изъ рѣченій человѣческихъ по-истинѣ не пдетъ въ сравненіе. Апокалипсисъ—это событіе. Апокалипсисъ—это не слово. Что-то похоже на то, что Вселенная изрыгнула его сейчасъ послѣ того, какъ другой Учитель тоже Вселенной проговорилъ свои вѣщія и грозныя слова, тоже въ первый разъ произнеся „судъ міру сему“.

И вотъ—два суда: изъ Іерусалима о самомъ этомъ Іерусалимѣ, главнымъ образомъ—объ Іерусалимѣ; и съ острова Патмоса—надъ Вселенною, которую научилъ тотъ Учитель.

Нѣтъ-ли разницы въ самой компановкѣ словъ? И, хоть это очень странно спрашивать о такихъ событіяхъ-словахъ: нѣтъ-ли чего *показующаго для души въ стилѣ литературнаго изложенія?*

Евангеліе — человѣческая исторія, намъ разсказанная; исторія Бога и человѣка; „богочеловѣческій процессъ“ и „союзъ“.

Апокалипсисъ какъ-бы кидаетъ этотъ „богочеловѣческій союзъ"—какъ негодное,—какъ изношенную вещь.

Но фундаментъ? фундаментъ? Но—почему? почему?

Въ образахъ до такой степени чрезмѣрныхъ, что даже Книга Іова кажется около него безсиліемъ и изнеможеніемъ, что даже „сотвореніе міра и человѣка" въ Книгѣ Бытія—тоже тускло и слабо, блѣдно и безкровно, онъ именно *въ структурѣ могущества и показываетъ суть свою.* Онъ какъ-бы ревётъ „въ концѣ временъ", для „конца временъ", для „послѣдняго срока человѣчества":

Безсиліе.

Конецъ міра и человѣчества будетъ таковъ, потому-что Евангеліе есть книга изнеможеній.

Потому-что есть:

мочь

и—**не** мочь.

И что Христосъ пострадалъ и умеръ за **не мочь**... хотя-бы и былъ въ полной и абсолютной **истинѣ**.

Христіанство—неистинно; но оно—не мочно.

И образъ Христа, начертанный въ Евангеліяхъ,—вотъ именно такъ, какъ тамъ сказано,

со всею подробностью, съ чудесами и прочее, съ явленіями и т. под., не являетъ ничего, однако, кромѣ *нѣтища, запустѣнія*...

Апокалипсисъ какъ-бы спрашиваетъ: да, Христосъ могъ описывать „красоту полевыхъ лилій", призвать слушать себя „Марію сестру Лазари": но Христосъ не посадилъ дерева, не вырастилъ изъ себя травки: и вообще онъ „безъ *зерна* міра", безъ—*ядра*, безъ—*икры*; не травянистъ, не животенъ: въ сущности—не бытіе, а *почти* призракъ и тѣнь; какимъ-то чудомъ пронесшаяся по землѣ. Тѣнистость, тѣнность, пустынность Его, небытійственность—сущность Его. Какъ будто это—только Имя, „разсказъ". И что „послѣднія времена" потому и покажутся такъ страшны, покажутся до того невѣроятно-ужасны, такъ вопіюще „голодны", а сами люди превратятся въ какихъ-то „скорпіоновъ, жалящихъ самихъ себя и одинъ другого", что вообще-то—„ничего не было", и сами люди—точно съ отощавшими отвислыми животами, и у которыхъ можно ребра сосчитать,—обратились таинственнымъ образомъ въ „тѣней человѣка", въ „призраки человѣка", до извѣстной степени—въ человѣка „лишь *по имени*".

О, о, о...

Вотъ, вотъ, вотъ...

Не узнаемъ-ли мы *себя* здѣсь? И какъ тогда не ревѣть Апокалипсису, и не наполнять Престолъ Небесный—животными, почти—животами, брюхами—все самыхъ мощныхъ животныхъ, тоже ревущихъ, кричащихъ, вопіющихъ—льва, быка, орла, дѣвы. Все—полетъ, все—сила. Почему-бы не колибри и не „лиліи полевыя“? Маленькая птичка—хороша какъ и большая, а „лиліи“ не хуже баобаба. И вдругъ Апокалипсисъ орётъ:

— Больше мяса...

— Больше вопля...

— Больше рева...

— Міръ отощалъ, онъ боленъ.... Таинственная Тѣнь навела на міръ хворь...

— Міръ—умолкаетъ...

— Міръ—безжизненъ...

— Скорѣе, скорѣе, пока еще не поздно... Пока еще послѣднія минуты длятся. „Поворотъ всего назадъ“, „новое небо“, „новыя звѣзды“.

Обиліе „водъ жизни“, „Древо жизни“...

Солнце загорѣлось раньше христіанства. И солнце не потухнетъ если христіанство и кончится. Вотъ—ограниченіе христіанства, противъ котораго ни „обѣдни", ни „панихиды" не помогутъ. И еще объ обѣднях: ихъ много служили, но человѣку не стало легче.

Христіанство не космологично, „на немъ трава не растетъ". И скотъ отъ него не множится, не плодится. А безъ скота и травы человѣкъ не проживетъ. Значитъ „при всей красотѣ христіанства"—человѣкъ все-таки „съ нимъ однимъ не проживетъ". Хорошъ монастырекъ, „въ немъ полное христіанство"; а все-таки *питается отъ около сосѣдней деревеньки*. И „безъ деревеньки" всѣ монахи перемерли-бы съ голоду. Это надо принять во вниманіе, и обратить вниманіе на ту вполнѣ „апокалипсическую мысль", что *само въ себѣ и одно*—христіанство проваливается, „не есть", гнило, голодаетъ, нищаетъ. Что „питается" оно — *не христіанскими*, не христіанскими злаками, не христіанскими произрастаніями. Что, такимъ образомъ,—христіанство само и одно, чистое и самое восторженное, зоветъ, требуетъ, алчетъ—„и *не христіанства*".

Это—поразительно, но такъ. Хороша была

бесѣда Спасителя къ пяти тысячамъ народа. Но пришелъ вечеръ и народъ возжаждалъ: — „Учитель, *хлѣба*“!

Христосъ далъ хлѣба. Одно изъ величайшихъ чудесъ. Не сомнѣваемся въ немъ. О, нисколько, ни мало, ни іоточки. Но скажемъ: каково-же солнце, которое неизрѣченнымъ тьмамъ народа даетъ хлѣбъ,—даетъ какъ „по службѣ“, по „должности“, почти „по пенсіи“. Даетъ и **можетъ** дать. Даетъ и значитъ **хочетъ** дать?

У солнца—воля и... **хотѣніе**?

Но... тогда „ваалъ-солнце“? ваалъ-солнце—финикіянъ?

И тогда „поклонимся Ему“? Ему и его великой—**мощи**?

— Это-то уже несомнѣнно. Ему и его великому, *благородному человѣколюбивому* хотѣнію?...??? Это-же невѣроятно. Но что „солнце больше можетъ, чѣмъ Христосъ“—это самъ папа не оспоритъ. А что солнце больше Христа желаетъ счастья человѣчеству—объ этомъ еще сомлѣваемся, но уже ничего не могъ-бы возразить Владиміръ Соловьевъ, изучавшій все „бого-человѣческій процессъ“ и строившій „ветхозавѣтную теургію“ и „ветхозавѣтное домостроительство“ (или „теократію“).

Мы же беремъ прямо Финикію:

„Ты — ходилъ въ Саду Божіемъ... Сіялъ среди игристыхъ огней“... „Ты былъ первенецъ Мой, первенецъ отъ созданія міра“, —говоритъ Іезекіиль или Исаія, кто-то изъ ветхозавѣтныхъ, —говоритъ городу, въ которомъ покланялись Ваалу и ни мало ни Іеговѣ.

Ну, кто-же не видитъ изъ моихъ тусклыхъ словъ, что „богочеловѣческій процессъ воплощенія Христа“ потрясается. Онъ потрясается въ буряхъ, онъ потрясается въ молніяхъ... Онъ потрясается въ „голодовкахъ человѣчества“, которыя настали, настаютъ нынѣ... Въ вопіяніяхъ народныхъ. „Мы вопіяли Христу и Онъ не помогъ“. „Онъ—немощенъ“. „Помолимся Солнцу: оно больше можетъ. Оно кормитъ не 5.000, а тьмы темъ народа. Мы только не взирали на Него. Мы только не догадывались.

— „Христосъ—мяса!“

— „На ребра, въ брюхо, дѣтямъ нашимъ и намъ!“

Христосъ молчитъ. Не правда-ли? Такъ не Тѣнь-ли онъ? Таинственная Тѣнь, наведшая отощаніе на всю землю.

Сергіевъ посадъ. Типографія П. Иванова.

ИНВ. МК-37041

№ 3. Цѣна 35 коп.

В. Розановъ.

Апокалипсисъ нашего времени.

1. Кроткая.
2. Что-то такое случилось.
3. Зачѣмъ они звонятъ?
4. Дѣдъ.
5. „Москва слезамъ не вѣритъ“.
6. Объ одномъ народцѣ.
7. Ежедневность.
8. Солнце.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ М. С. Елова.

1918.

Кроткая.

Ты не прошла мимо міра, дѣвушка... о, кротчайшая изъ кроткихъ... Ты испуганнымъ и искристымъ глазкомъ смотрѣла на него.

Задумчиво смотрѣла... Любяще смотрѣла... И запѣвала пѣсню... И заплетала въ косу ленту...

И сердце стучало. И ты томилась и ждала.

И шли въ мірѣ богатые и знатые. И говорили рѣчи. Учили и учились. И все было такъ красиво. И ты смотрѣла на эту красоту. Ты не была завистлива. И тебѣ хотѣлось подойти и пристать къ чему-нибудь.

Твое сердце ко всему приставало. И ты хотѣла-бы пѣть въ хорѣ.

Но никто тебя не замѣтилъ и пѣсенъ твоихъ не взяли. И вотъ ты стоишь у колонны.

Не пойду и я съ міромъ. Не хочу. Я лучше останусь съ тобой. Вотъ я возьму твои руки, и буду стоять.

И когда міръ кончится, я все буду стоять съ тобою и никогда не уйду.

Знаешь-ли ты, дѣвушка, что это—„міръ проходитъ“, а—не „мы проходимъ“. И міръ прой-

деть и прошелъ уже. А мы съ тобой будемъ вѣчно стоять.

Потому-что справедливость съ нами. А міръ во-истину несправедливъ.

Что-то такое случилось.

Есть въ мірѣ какое-то недоразумѣніе, которое можетъ быть неясно и самому Богу. Въ сотвореніи его „что-то такое произошло“, что было неожиданно и для Бога. И отсюда собственно ирраціонализмъ, мистика (дурная часть мистики) и не ясность. Міръ гармоиченъ, и это—„конéчно“. Мудръ, благъ и красота, и это—Божіе. Но „хищныя питаются травоядными“—и это ужъ не Божіе. Сова пожираетъ зайчёнка—тутъ нѣтъ Бога. Бога, гармоніи и добра.

Что̀ такое произошло—этого отъ начала міра никто не знаетъ, и этого не знаетъ и *не понимаетъ* Самъ Богъ. Бороться или побѣдить это—тоже безсиленъ Самъ Богъ. Такъ „я хочу родить мальчика красиваго и мудраго“, а рождается „о 6-ти пальцахъ, съ придурью и непредвидѣнными пороками“. Такъ

и планета наша. Какъ будто она испугана была чѣмъ-то въ беременности своей, и родила „не по мысли Божіей“, а „нѣсколько иначе“. И вотъ „божественное“ смѣшалось съ „иначе“...

И передъ этимъ „иначе“ покоренъ и Богъ. Какъ тоскующій отецъ, который смотритъ на малютку съ „иначе“, и хочетъ поправить и не можетъ поправить. И любитъ „уже все вмѣстѣ“...

Зачѣмъ они звонятъ?

Бомъ. Бомъ. Бомъ. Но уже звукъ пустой.

. . . . . .

. . . . . .

И отъ того, что подъ колоколомъ нѣтъ вѣнчанія невѣсты и жениха. Тотъ, *другой*,—не помогъ. А *этотъ*, который все-таки помогалъ по мелочамъ,—немного, но помогалъ,—немного, но старался,—по-земному и глупо, но всётаки старался,—усланъ далече.

И не вздохнула невѣста по женихѣ. И я увидѣлъ, что она горбатая.

. . . . . .

. . . . . .

Эхъ, не горбатъ вотъ жидъ; написалъ въ мартѣ:

„... Напишите, какъ вы умѣете писать,—*правдиво и страстно*,—мнѣ о „мартовскихъ“ дняхъ. Тутъ зима,—и лютая,—весны еще нѣтъ. Весь этотъ гулъ и шумъ противенъ моей душѣ. Въ санаторіи уже умерло 4 воина. Смерть сильнѣе всего на этой планетѣ. Есть-ли душа? Есть-ли загробная жизнь? Вотъ это важнѣе всѣхъ революцій! Жаль царя Николая. Догадываюсь, что онъ былъ человѣкъ мягкаго характера и безвольный очень. *Все, все*—пройдетъ, но что будетъ „тамъ“? Вамъ 61 годъ, вы много думали, страдали,—скажите мнѣ вы, дорогой душевный другъ. Лейзеръ. Шацманъ.

Санаторій „Дергачи“, харьковской губерніи и уѣзда Всероссійскаго Земскаго Союза. № 11 (туберкулезный). (Лично мнѣ не знакомъ).

Дѣдъ.

Когда не хочется больше любить, не ждется одежда, и кушаешь кашку-размазню съ кой-какимъ маслецемъ,—то и называетъ себя естественно „христіаниномъ“.

Лысый, съ бѣлой бородою,
Дѣдушка сидитъ.

Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ.

— Кто ты, дѣдушка?

— Хрестьянинъ... крестьянинъ...

Или, какъ Достоевскій и софистически и вѣрно перефразировалъ:

— „Христіанинъ“.

Боже: къ чему догматики, историки, апологеты нагородили столько ерунды, когда дѣло выражается въ одномъ великомъ:

не надо.

„Москва слезамъ не вѣритъ“

— и дѣлаетъ очень глупо. Отъ того она бѣдна. Нужно именно *вѣрить*, и—не слезамъ, а—вообще, всегда, до тѣхъ поръ пока получилъ обманъ: финикіяне въ незапамятную древность, въ началѣ исторіи, пріучились вѣрить, и образовали простую бумажку, знакъ особый, который писали, дѣлали, и т. д. Онъ былъ условенъ: и кто давалъ его—получалъ „довѣріе“, и это называлось—*кредитомъ*. Заведшіе это, „довѣрчивые“ люди, но опредѣленно довѣрчивые, и вмѣстѣ—не по болтовнѣ или

„дружеской бесѣдѣ", а—дѣловымъ образомъ и для облегченія жизни, стали первыми въ мірѣ по богатству. Не чета русскимъ. Которые даже въ столь позднее время—все ницаютъ, обманываютъ, и—тѣмъ все болѣе и болѣе раззоряются.

Долгъ платежомъ красенъ

— и русскіе выполняютъ и не могутъ не выполнить этого, насколько это установили финикіяне (вексель)... Но рѣшительно вездѣ, гдѣ могутъ,—стараются жить на счетъ другъ друга, обманываютъ, сутенёрничаютъ. И думая о счастьѣ—впадаютъ все въ бо̀льшее и бо̀льшее несчастье.

Объ одномъ народцѣ.

Имъ были даны чудныя пѣсни всѣмъ людямъ. И сказанія его о своей жизни—какъ никакія. И имя его было священно, какъ и судьбы его—тоже священны для всѣхъ народовъ.

Потомъ что̀-то случилось... О, что̀-же, что̀-же случилось?..

. . . . . .

Нельзя понять...

. . . . . .

Ни одинъ народъ не можетъ. Никто изъ человѣчества...

. . . . . .

Ни мудрецъ, ни ученый, ни историкъ.

И сталъ онъ поругаемымъ народомъ, имя котораго обозначаетъ хулу. И имя котораго, національное имя, стало у каждаго племени ругательнымъ названіемъ всякаго человѣка, къ кому оно приложится въ этомъ чужомъ племени.

О, что-же случилось?.. ?...

. . . . . .

. . . . . .

Больше, больше: будемъ-ли мы читать „Лѣтопись Тацита“ —когда томимся? Или—Геродота о скиѳахъ и Вавилонѣ? Будемъ-ли читать о Пелопонезской войнѣ — Ѳукидида? Нѣтъ, нѣтъ: когда *въ томленіи душа*—то какъ все это чуждо и посторонне... Все это мы изучали-бы, только чтобы прочесть лекцію, написать ученый трудъ, и—„такъ, отъ нѣкотораго бездѣлья“.

Но вотъ—юная вдова, подбирающая колосья пшеницы на полѣ богатаго землевладѣльца: и то, *какъ* она это дѣлаетъ, — и *слова* ея своей свекрови,—проливаютъ въ душу утѣшенія. И много еще...

Народъ этотъ пролилъ утѣшеніе во всѣ сердца.

И всетаки онъ проклятъ. Что-же случилось,—о, что такое, особенное???...?

* * *

Сказать: „*утѣшеніе*"—и это сказать *все* о томъ народѣ. Читаемъ-ли мы хронику о Меровингахъ у Григорія Турскаго, или изящныя очерки Августина Тьери, написанныя по канвѣ этой хроники,—мы въ обоихъ случаяхъ читаемъ милое, граціозное, прелестное. Но это чтеніе даетъ только наслажденіе вкусу, душа-же остается если не холодною, то спокойною. Но вотъ мы читаемъ о войнѣ, о грозѣ: одинъ царь—побѣдитель, другой—побѣжденъ. Побѣжденный боится за жизнь свою, обыкновенно боится—какъ боялся-бы каждый человѣкъ, и ищетъ потаённой комнаты во дворцѣ своемъ. Побѣдитель спрашиваетъ о врагѣ своемъ, и ему приближенные передаютъ о

всемъ униженіи и страхѣ, въ какомъ тотъ находится. Вдругъ побѣдитель отвѣчаетъ вовсе не тѣмъ гордымъ, самоувѣреннымъ тономъ, какой такъ естественъ въ самоупоеніи побѣды, и какимъ въ самоупоеніи побѣды говорили *всѣ* цари и полководцы, а—совсѣмъ инымъ, новымъ, неожиданнымъ:

„Зачѣмъ онъ бѣжитъ отъ меня? Онъ—*братъ мой*".

Кто въ исторіяхъ Ассиріи видалъ, какъ со связанными за спиною руками плѣнникъ стоитъ передъ побѣдившимъ царемъ на колѣняхъ, а ассирійскій царь, поднявъ копье, выкалываетъ ему глаза, и вмѣстѣ приметъ во вниманіе, что переименованіе „врага" въ „брата своего" произошло въ туже самую эпоху, тотъ оцѣнитъ *всю разницу* въ душевномъ строѣ одного и другого. И поймете, почему я упорно называю „утѣшеніемъ" то особое чувство, какое льется на душу читателя отъ исторіи этого единственнаго народа.

И онъ—проклятъ.

Но тогда что́-же случилось, почему мы также ненавидимъ этотъ народецъ, какъ ассиріяне ненавидѣли своихъ враговъ. И, оглядываясь на цивилизацію нашу, не подумаемъ-ли о ней

съ печалью строкъ, сказанныхъ Алексѣемъ Толстымъ:

Ассиріяне шли какъ на стадо волки,
Въ багрецѣ ихъ и въ златѣ сіяли полки,
И безъ счета ихъ копья сверкали окрестъ,
Какъ въ волнахъ Галилейскихъ мерцаніе звѣздъ.

Словно листья дубравные въ лѣтніе дни,
Еще вечеромъ такъ красовались они;
Словно листья дубравные въ вихрѣ зимы,
Ихъ къ разсвѣту лежали развѣяны тьмы.

Ангелъ смерти лишь на-вѣтеръ крылья простеръ
И дохнулъ имъ въ лицо, и померкнулъ ихъ взоръ,
И на мутныя очи палъ сонъ безъ конца,
И лишь разъ поднялись и остыли сердца.

Вотъ расширившій ноздри, повергнутый конь,
И не пышетъ изъ нихъ гордой силы огонь,

И какъ хладная влага на брегѣ морскомъ,
Такъ предсмертная пѣна бѣлѣетъ на немъ.

Вотъ и всадникъ лежитъ, распростертый
во прахъ,
На бронѣ его ржа, и роса на власахъ;
Безотвѣтны шатры, у знаменъ ни раба,
И не свищетъ копье и не трубитъ труба.

И Ассиріи вдовъ слышенъ плачъ на
весь міръ,
И во храмѣ Ваала низверженъ кумиръ,
И народъ, не сраженный мечомъ до конца,
Весь растаялъ, какъ снѣгъ, передъ блескомъ
Творца!

И вотъ народъ, который всемірно былъ утѣшителемъ всѣхъ скорбныхъ, утомленныхъ, нуждающихся въ свѣтѣ душъ,—теперь во тьмѣ, и не только самъ безъ утѣшенія, но пинаемъ и распинаемъ... Что́-же, что́ такое случилось? Явно—случилось въ планетѣ и въ судьбахъ человѣчества?

Ежедневность.

Булочки, булочки...
Хлѣба пшеничнаго...
Мяса-бы немного...

* * *

Это ужасное замерзаніе ночью. Страшныя мысли приходятъ. Есть что-то враждебное въ стихіи „холода“—организму человѣческому, какъ организму „теплокровному“. Онъ *боится холода*, и какъ-то *душевно боится*, а не кожно, не мускульно. Душа его становится грубою, жёсткою, какъ „гусиная кожа на холоду“. Вотъ вамъ и „свобода человѣческой личности“. Нѣтъ, „душа свободна“—только если „въ комнатѣ тепло натоплено“. Безъ этого она не свободна, а боится, напугана и груба.

* * *

Впечатлѣнія ѣды теперь главныя. И я замѣтилъ, что, къ позору, и господа и прислуга это равно замѣчаютъ. И уже не стыдится бѣдный человѣкъ, и уже не стыдится горькій человѣкъ. Проѣхавъ на дняхъ въ Москву, прошелся по Ярославскому вокзалу, съ грубымъ желаніемъ видѣть, что ѣдятъ. Прово-

жавшая меня дочь сидѣла грустно, уткнувшись носикомъ въ муфту. Одинъ солдатъ, вывернувъ изъ тряпки огромный батонъ (витой хлѣбъ пшеничный), разломилъ его широкимъ разломомъ и началъ ѣсть, даже не понюхавъ. Между тѣмъ пахучесть хлѣба, какъ еще пахучесть мяса во щахъ, есть что-то безмѣрно неизмѣримѣе самаго напитанія. О, я понимаю, что въ жертвенникѣ Соломонова храма были сдѣланы *ноздри* и сказано,—*о Богѣ сказано*,—что онъ „вдыхаетъ туки своихъ жертвъ".

Солнце.

Заботится-ли солнце о землѣ?

Не изъ чего не видно: оно его „притягиваетъ прямо пропорціонально массѣ и обратно пропорціонально квадратамъ разстояній".

Такимъ образомъ 1-ый отвѣтъ о солнцѣ и о землѣ Коперника былъ глупъ.

Просто—глупъ.

Онъ „сосчиталъ". Но „счетъ" въ примѣненіи къ нравственному явленію я нахожу просто глупымъ.

Онъ просто отвѣтилъ **глупо**, негодно.

Съ этого глупаго отвѣта Коперника на нравственный вопросъ о планетѣ и солнцѣ началась пошлость планеты и опустошеніе Небесъ.

„Конечно,—земля не имѣетъ объ себѣ заботы солнца, а только притягивается по кубамъ разстояній".

Тьфу.

Сергіевъ посадъ. Типографія И. Иванова.

№ 4. Цѣна 35 коп.

В. Розановъ.

Апокалипсисъ нашего времени.

1. Правда и кривда.
2. Изъ таинствъ Христовыхъ.
3. Сынъ.
4. Солнце.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ М. С. Елова.

1918.

Прошу *Анну Васильевну Первольфъ* указать письмомъ свой московскій адресъ: В. В. Розанову, Сергіевъ посадъ, Красюковка Полевая ул., д. свящ. Бѣляева.

Правда и кривда.

„Безъ *грѣшнаго* человѣкъ не проживетъ, а безъ *святого*—слишкомъ проживетъ". Это-то и составляетъ самую, самую главную часть а-космичности христіанства.

Не только: „читаю-ли я Евангеліе съ начала къ концу, или отъ конца къ началу", я совершенно ничего не понимаю:

какъ міръ устроенъ? и—**почему**?

Такъ-что Іисусъ Христосъ ужъ никакъ не научилъ насъ мірозданію; но и сверхъ этого и главнымъ образомъ: „дѣла плоти" онъ объявилъ грѣшными, а „дѣла духа" праведными. Я-же думаю, что „дѣла плоти" суть главное, а „дѣла духа"—такъ, одни разговоры.

„Дѣла плоти" и суть космогонія, а „дѣла духа" приблизительно выдумка.

И Христосъ, занявшись „дѣлами духа"—занялся чѣмъ-то въ мірѣ побочнымъ, второстепеннымъ, дробнымъ, частнымъ. Онъ взялъ себѣ „обстоятельства образа дѣйствія", а не самый „образъ дѣйствія",—т. е. взялъ онъ не *сказуемое* того предложенія, которое составляетъ всемірную исторію и человѣческую

жизнь, а—только одни *обстоятельственныя, тѣневыя, штриховыя* слова.

„Сказуемое“—это ѣда, питье, совокупленіе. О всемъ этомъ Іисусъ сказалъ, что—„грѣшно“, и—что „дѣла плоти соблазняютъ васъ“. Но если-бы „*не* соблазнялп“—человѣкъ и человѣчество умерли-бы. А какъ „слава Богу—соблазняютъ“, то—то-же „слава Богу—человѣчество продолжаетъ жить.

Позвольте: что за „слава Богу“, если человѣкъ (человѣчество) умеръ?

Какъ-же онъ могъ сказать: „Азъ есмь путь и жизнь“? Ничего подобнаго. Ничего даже приблизительнаго. „Обстоятельственныя слова“.

Напротивъ, отчего есть „звѣзды и красота“—это понятно уже изъ насажденія рая человѣкамъ. Уже *она*—прекрасенъ, и это есть утренняя звѣзда. Я хочу сказать, что „утреннюю звѣзду“ Богъ далъ человѣку въ раю: и таинымъ созданіемъ Эдема Онъ выразилъ и вообще весь планъ сотворенія чего-то изумительнаго, великолѣпнаго, единственнаго, неповторимаго. Все къ этому рвется: „лучше“, „лучше“, „лучше“. Есть мѣры и измѣримость: Богъ какъ-бы изрекъ—„Я—безмѣрный, и все сотворенное мною рвется къ безмѣрности,

безконечности, нескончаемости". А, это—понятно. „Тамъ оникъ и камень вдолахъ" (о раѣ). Напротивъ, когда мы читаемъ Евангеліе, то что-же мы понимаемъ въ безмѣрности? Да и не въ одной безмѣрности: мы вообще—ровно ничего не понимаемъ въ мірѣ.

„И вотъ, на небѣ великое знаменіе — жена облеченная въ солнце: подъ ногами ея луна: и на головѣ ея—вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ.

„Она имѣла во чревѣ и кричала отъ мукъ рожденія".

(Апокалипсисъ, 12).

Тутъ мы понимаемъ, что роды, именно, человѣческіе роды, лежатъ въ центрѣ космогоніи.

Библія—нескончаемость.

„Іисусъ-же сказалъ: „Есть скопцы, которые изъ чрева матерняго родились тако; и есть скопцы, которые оскоплены отъ людей; и есть скопцы, которые сами сдѣлали себя скопцами ради Царства Небеснаго. Кто можетъ вмѣстить это—да вмѣстить.

(Евангеліе отъ Матеея, 19).

Тутъ мы совершенно ничего не понимаемъ, кромѣ того, что это—не нужно.

Евангеліе—тупикъ.

Теперь: „грѣхъ“ и „святость“, „космическое“ и „а-космичность“: мнѣ кажется, что если уже гдѣ можетъ заключаться „святое“, „святость“—то это въ „сказуемомъ“ міра, а не „въ обстоятельствахъ образа дѣйствія“. Что за эстетизмъ. Поразительно великолѣпіе Евангелія: говоря о „дѣлахъ духа“ въ противоположность „дѣламъ плоти“—Христосъ черезъ это именно и показалъ, что „Азъ и Отецъ—*не одно*“. „Отецъ“—такъ Онъ и отецъ: посмотрите Ветхій Завѣтъ,—чего-чего тамъ нѣтъ. Отецъ не пренебрегаетъ самомалѣйшимъ въ болѣзняхъ дитяти, даже въ капризахъ и своеволіи его: и вотъ *тамъ*, въ Ветхомъ Завѣтѣ, мы находимъ „всяческое“. Всѣ страсти кипятъ, никакіе случаи и исключительности—не обойдены. „Отецъ“ беретъ свое дитя въ руки, моетъ и очищаетъ его сухимъ и мокрымъ, отъ кала грязнаго и отъ мокраго. Посмотрите о леченіи болѣзней, парши, коросты. Въ пустынѣ Онъ идетъ надъ ними *тѣнію*—днемъ (облако, зной), и столбомъ огненнымъ—ночью *освѣщаетъ путь*. Похитили золотыя вещи у египтянъ, и это не скрыто; ибо такъ естественно, такъ просто: вѣдь они работали на нихъ въ рабствѣ, работали—безплатно.

Этимъ таинственнымъ и глубокимъ попеченіемъ о человѣкѣ, какимъ-то кутающимъ и пеленающимъ,—отличается „Отцовскій завѣтъ“ отъ сыновняго. Сынъ—именно „*не* одно“ съ Отцомъ. Пути физіологіи суть пути космическіе,—и „роды женщины“ поставлены впереди „солнца, луны, и звѣздъ“. Тутъ тоже есть *объясненіе*, чего абсолютно лишено Евангеліе. Дѣйствительно: тутъ показано, въ видѣніи Апокалипсиса, что и луна, и звѣзды, и солнце—все для облегченія „родовъ“. *Жизнь поставлена выше всего.* И именно—жизнь человѣка. Пирамида ясна въ основаніи и завершеніи. Евангеліе оканчивается скопчествомъ, тупикомъ. „Не надо“. Не надо—самыхъ родовъ. Тогда для чего-же солнце, луна и звѣзды? Евангеліе со страннымъ эстетизмомъ отвѣчаетъ—„для украшенія“. Въ производствѣ жизни—этого не нужно. Какъ „солнце, луна и звѣзды“ явились не для чего въ сущности, такъ и роды—есть „не нужное“ для Евангелія, и міръ совершенно обезсмысливается. „Все понятно“—въ Библіи, „ничего не понятно“—въ Евангеліи.

И вотъ—Престолъ Апокалипсиса, посреди коего сидятъ животныя. Что за представле-

ніе небесъ? Но развѣ роды коровы ниже чѣмъ-нибудь родовъ женщины? Это—„пути Божіи“. Въ „оправданіи всего“ Апокалипсиса —именно и лежитъ оправданіе Божеское, оправданіе Отцовское, и съ болячками, и съ коростами, и съ поносами, и съ запорами дитятп-человѣка. Какъ чудно! О, какъ хорошо! Славны и велики пути Твои, Господи, и славны они въ болѣзни и въ исцѣленіи. Апокалипсисъ изрекаетъ какъ-бы правду Вселенной, правду *плохо*—вопреки *узенькой* „евангельской правдѣ“, которая страннымъ образомъ сводится не къ богатству, радости и полнотѣ міра, а къ точкѣ, молчанію и небытію скопчества. Воистину — „поколебались основанія земли“. Христосъ пришелъ таинственнымъ образомъ „поколебать всѣ основанія“ сотворенной „будто-бы Отцомъ Его“ Вселенной. И что Коперникъ на вопросъ о солнцѣ и землѣ началъ говорить, что они дѣйствуютъ „по кубамъ разстояній“,—то это совершенно христіанскій отвѣтъ. Это—именно „обстоятельство образа дѣйствія“. А „для чего они дѣйствуютъ“—это и не вѣдомо, и не интересно.

Таинственнымъ образомъ христіанство начало обходится „пустяками“. На вопросъ о

землѣ и лунѣ оно отвѣтило „кубами разстояній“, а на вопросъ о гусеницѣ, куколкѣ и мотылькѣ оно отвѣтило еще хуже: что такъ „бываетъ“. „Наука христіанская“ стала сводиться къ чепухѣ, къ позитивизму и безсмыслицѣ. „Видѣлъ, слышалъ, но не понимаю“. „Смотрю, но ничего не разумѣю“ и даже „ничего не думаю“. Гусеница, куколка и мотылекъ имѣютъ объясненіе, но не физіологическое, а именно—космогоническое. Физіологически—они не объяснимы; они именно—*необъяснимы*. Между тѣмъ космогонически они совершенно ясны: это есть все живое, рѣшительно все живое, что пріобщается жизни, гробу и воскресенію.

Въ фазахъ насѣкомаго даны фазы міровой *жизни*. Гусеница: – „мы ползаемъ, жрёмъ, тусклы и недвижимы“. — „Куколка“ — это гробъ и смерть, гробъ и прозябаніе, гробъ и обѣщаніе.—Мотылёкъ—это „душа“, погруженная въ міровой эфиръ, летающая, знающая только солнце, нектарь, и—никакъ не питающаяся, кромѣ какъ изъ огромныхъ цвѣточныхъ чашечекъ. Христосъ-же сказалъ: „въ *будущей жизни* уже не посягаютъ, не женятся“. Но „мотылекъ“ есть „будущая жизнь“

гусеницы. и въ ней не только „женятся“, но- наоборотъ Евангелію—при сравнительной неуклюжести гусеницы, при подобіи смерти въ куколкѣ,—бабочка вся только одухотворена, и, не вкушая вовсе (поразительно!! —не только хоботокъ ея вовсе не приспособленъ для ѣды, но у нея нѣтъ и кишечника, по крайней мѣрѣ—у нѣкоторыхъ!!), страннымъ образомъ—она имѣетъ отношеніе *единственно къ половымъ органамъ* „чуждыхъ себѣ существъ“, приблизительно—именно Дерева жизни: растеній, непонятныхъ, загадочныхъ. Это что-то, передъ всякой бабочкою,—неизмѣримое, огромное. Это лѣсъ, садъ. Что-же это значитъ? Таинственнымъ образомъ жизнь бабочки указуетъ или предвѣщаетъ намъ, что и души наши послѣ гроба-куколки — будутъ получать отъ нектара двухъ или обоихъ божествъ. Ибо сказано, что сотворена была Вселенная отъ Элоги*мъ* (двойственное число Имени Божія, употребленное въ разсказѣ Библіи о сотвореніи міра), а не отъ Элоа*хъ* (единственное число); что божествъ—*два*, а не—*одно:* „по *образу* и по *подобію* которыхъ—*мужескъ и женою сотворилъ Богъ и человѣка*“.

Мотылекъ — душа гусеницы. Solo - душа, безъ прилагательнаго. Но это показываетъ, что „душа“—не нематерьяльна. Она—осязаема, видима, *есть*; но только—*иначе, чѣмъ въ земномъ существованіи.* Но что-же это и какъ? Ахъ, наши сны и сновидѣнія иногда реальнѣе бодрствованія. Гусеница и бабочка показываютъ, что на землѣ мы—только „зрёмъ“; а что „тамъ“ будетъ все — полетъ, движеніе, камедь, мирра и ѳеміамъ.

Загробная жизнь вся будетъ состоять изъ свѣта и пахучести. Но именно—того, что ощутимо, что физически—пахуче, что плотски, а не безплотно—издаетъ запахъ. Не безъ улыбки можно отвѣтить о „соблазнахъ *міра сего*“, что въ нихъ-то и „течетъ“, какъ-бы истекаетъ изъ души вещей, изъ энтелехіи вещей—уже теперь „жизнь будущаго вѣка“; и что вкусовая и обонятельная часть нашего лица, и вообще-то наиболѣе прекрасная и „небесная“, именно и прекрасна отъ очертаній губъ, рта и носа. „Что за уродъ, въ комъ нѣтъ носа и губъ“, или есть въ нихъ поврежденіе, и даже просто — некрасивая линія. Апокалипсическое въ насъ—улыбка. Улыбка—всего апокалипсичнѣе.

Радость, ты—*искра небесъ*, ты—*божественна*,
Дочь *елисейскихъ полей*...

Это не аллегорія, это реальная, точнѣе —это ноуменальная правда. „Хорошо соблазняться“ и „хорошо быть соблазняемымъ“. Хорошо, „черезъ кого соблазнъ входитъ въ міръ“: онъ вноситъ край неба на плосковатую землю. Загадочно, что въ Евангеліи ни разу не названо ни одного запаха, ничего—пахучаго, ароматнаго: какъ-бы подчеркнуто расхожденіе съ цвѣткомъ Библіи—„Пѣснью пѣсней“, этою пѣснею, о которой одинъ старецъ Востока выговорилъ, что „все стояніе міра не достойно того дня, въ который была создана *Пѣсня пѣсней*“. И вотъ, Евангеліе такимъ образомъ представляетъ „эту“ и „будущую жизнь“ совсѣмъ наоборотъ: „пути“-то жизни, насколько они *физіологическіе пути*, и есть *главное* и *небесное* (Престолъ Апокалипсиса); это есть „подлежащее“, которое „оправдалось“.

А тотъ „путь жизни“, „жизнь *духа*“—есть „обстоятельственный путь“, проводимый въ праздности, эстетикѣ и разговорахъ...

И *долго на свѣтѣ томилась* она

это—земная жизнь гусеницы, ползающая и жрущая...

Желаніемъ чуднымъ полна

это—мотылекъ, бабочка, утопающая въ эфирѣ, въ солнечныхъ лучахъ. Того самого Солнца, которое „и со звѣздами и съ луною“—только „окружаетъ роды женщины“.

И *пѣсенъ любви замѣнить не могли*
Ей *скучныя пѣсни земли.*

И—никакого „ада и скрежета зубовнаго“ *тамъ*, а —собираніе нектара съ цвѣтовъ. За муки, за грязь и соръ и „землеѣденіе“ гусеницы, за гробъ и подобіе,—но только *подобіе смерти* въ куколкѣ,—душа возстанетъ изъ гроба; и переживетъ, каждая душа переживетъ, и грѣшная и безгрѣшная, свою невыразимую „пѣсню пѣсней“. Будетъ дано каждому человѣку по душѣ этого человѣка и по желанію этого человѣка. Аминь.

Изъ таинствъ Христовыхъ.

„Не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзанія Ти дамъ яко Іуда...“

Какъ **это** сказано... О, какъ сказано... И чудятся какія-то дѣйствительно страшныя тай-

ны за сказавшимъ такъ, или, особенно, за *увидѣвшимъ* что-то...

Сынъ.

Чтобы сынъ родился—нужно допустить какой-то *недостатокъ* въ отцѣ. Отецъ—это такъ **полно**. Отецъ—это **все**. Отецъ—это Солнце и душа и правда солнца. Вездѣ лучи Его до концовъ Вселенной. Отецъ, и—**кончено**.

Что-же значитъ, что **Сынъ родился?** Только если Отецъ въ чемъ-то *не*дотворилъ? Или можетъ быть онъ не научилъ или недоучилъ? Но и „нравственный законъ“ онъ уже принесъ (на Синаѣ). Вовсе не одно сотвореніе „глыбъ“, „солнца и луны“, и „свѣта“ и „ночи“. Что-же? Какъ-же?

Нельзя понять иначе, какъ заподозривъ отца въ *недостаткѣ* и полнотѣ. „Отецъ—это еще **не все** и не **конецъ**“.

Ну,—тогда понадобился и Сынъ.

Солнце.

Живетъ-ли Солнце?

Вотъ самое загадочное,—и даже единственно загадочное,—о немъ.

Всѣ рѣшительно ученые, до единаго всѣ, отъ Лапласа до гимназиста, убѣждены, что оно „конечно — не живетъ"; что оно есть „предметъ"...

Но почему не гаснетъ?—„Погаснетъ". Но вѣдь времени было довольно, чтобы погаснуть. Довольно-ли?? О, кажется...

„Отъ него жизнь на землѣ". Отъ *него*-ли? Повидимому. Живое отъ механическаго? Странно. „Да. Но такъ учатъ атомы". „Они всѣ стучатъ".

Ну, а если оно „живетъ"? Тогда 1-ая мысль кидается къ Христу. „Значитъ, Ты—не богъ". Странно.

„Солнце живетъ". Допустимъ эту гипотезу. Допустимъ не какъ фразу, а какъ дѣйствительность. Но какъ-же оно живетъ? „Въ такомъ огнѣ?"—Въ такомъ огнѣ прекращается жизнь. И, если-бы такъ, то значило-бы, что для „жизни" предѣловъ температуры нѣтъ.

Странно.

Нѣтъ, повидимому—„не живетъ“. „При такой горячности—все скипитъ, сварится“.

Имѣетъ-ли оно душу -вотъ вопросъ. „Что будетъ съ душой при очень высокой t°“?

Невѣдомо.

Почему планеты движутся около солнца? Почему не „стоятъ“ около солнца? „Тогда-бы упали“. Ну, и „упали“ ничего. „Мала куча“.

Все-же въ „движеніяхъ планетъ“ и въ самомъ „солнцѣ“ наука ничего не понимаетъ, даже раз-наука. И Лаплассъ понимаетъ столько-же, сколько гимназистъ.

* * *

Да, еще: что заключается внутри чего, солнечная система заключается внутри Евангелія, или Евангеліе заключается внутри солнечной системы?

Сергіевъ посадъ. Типографія И. Иванова.

№ 5. Цѣна 35 коп.

В. Розановъ.

Апокалипсисъ нашего времени.

1. Немножко и радости.
2. Опасная категорія.
3. Огонь Христовъ.
4. Тайны міра.
5. Искушеніе въ пустынѣ.
6. Солнце.
7. Religio.
8. Туфля.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ М. С. Елова.

1918.

Вслѣдствіе повышенія *съ февраля 1918* г. платы за *пересылку печатныхъ бандеролей почтою*, прошу лицъ, имѣющихъ *лично у меня подписку* дослать *одинъ рубль* за десять №№ „Апокалипсиса нашего времени", по адресу: *Въ Сергіевъ посадъ, Московской губ., Красноповка Полевая ул., д. свящ. Бѣляева В. В. Рязанову.*

Всѣхъ выпусковъ „Апокалипсиса" заготовлено не менѣе 50-60, и только по техническимъ и денежнымъ препятствіямъ онъ растянется болѣе чѣмъ на годъ.

За величиною статьи, слѣдующій выпускъ выйдетъ въ двойномъ размѣрѣ (т. е. сразу №№ 6 и 7, за 70 коп.).

Очень рекомендую всѣмъ читателямъ „Апокалипсиса", взволнованнымъ революціею, прочесть брошюру: „Научный соціализмъ или ученіе о прибыли какъ рентѣ", инженеръ-технолога Трофимова, прекрасно раскрывающую софизмы, заложенныя въ нашу революцію.

Сергіевъ посадъ. Типографія И. Иванова.

Немножко и радости.

„Пріидите володѣть и княжити надъ нами. Земля-бо наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ".

Несторова лѣтопись.

„Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ благословляя".

Тютчевъ.

Удивительное сходство съ евреями. Удивительное до буквальности. Историки просмотрѣли, а славянофилы не догадались, что это вовсе не „отреченіе отъ власти" народа, до такой степени ужъ будто-бы смиреннаго, а—*неумѣлость* власти, *недаровитость* къ ней, или, что лучше и даже превосходно до единственности: что это прекрасный даръ жить улицею, околодочкомъ, и—не болѣе, не грѣшнѣе.

„Съ насъ довольно и сплетень, да кумовства".

Ей-ей, подъ нѣмцами намъ будетъ лучше. Нѣмцы наведутъ у насъ порядокъ,—„какъ въ Ригѣ". Устроятъ полицію, департаменты. Согласимся, что вѣдь это было у насъ всегда

скверно и глупо. Министерію заведутъ. Не будутъ брать взятокъ,—наконецъ-то... и о чемъ мы выли, начиная съ Сумарокова, и довыли до самаго Щедрина... „Бо наряда—нѣтъ". Ну ихъ къ черту, болвановъ. Да, еще: наконецъ-то, наконецъ нѣмцы научатъ насъ русскому патріотизму, какъ дѣлали ихъ превосходные Вигель и Даль. Но такихъ было только двое и что-же могли они?

Мы-же овладѣемъ ихъ душою такъ преданно и горячо, какъ душою Вигеля, Даля, Ветенека (Востоковъ) и Гильфердинга. Вѣдь ни одинъ русскій *душою* въ нѣмца не передѣлался, потому что они во-истину болваны и почти безъ души. Почему такъ и способны „управлять".

Покореніе Россіи Германіею будетъ, на самомъ дѣлѣ и внутренно и духовно,—покореніе Германіи Россіею. Мы наконецъ изъ нихъ,—изъ лучшихъ *ихъ*,—сдѣлаемъ что-то *похожее на человѣка, а не на шталмейстера*. А то за „шталмейстерами" и „гофмейстерами" они лицо человѣческое потеряли.

Мы научимъ ихъ танцовать, музыканить и пѣть пѣсни. Можетъ быть даже научимъ молиться. Они за это будутъ намъ рыть руду,

т.-е. пойдутъ въ каторгу, будутъ пахать землю, т.-е. станутъ мужиками, работать на станкахъ, т.-е. сдѣлаются рабочими. И будутъ заниматься аптеками, чѣмъ и до сихъ поръ ни одинъ русскій не занимался. „Не призваніе".—Будутъ изготовлять намъ „французскіе горчишники", тоже—какъ до сихъ поръ.

Мы дадимъ имъ пророковъ, попытаемся дать имъ понятіе о святости,—что едва-ли мыслимо. Но хоть попытаемся. Выучимъ говорить, пѣть пѣсни и сказывать сказки.

Въ тайнѣ вещей мы будемъ ихъ господами, а они нашими нянюшками. Любящими и послушными намъ. Они будутъ намъ служить. Матерьяльно служить. А мы будемъ ихъ духовно воспитывать.

Ибо и нигилизмъ нашъ тогда пройдетъ. Нигилизмъ есть отчаяніе человѣка о неспособности дѣлать дѣло, къ какому онъ вовсе не призванъ.

Мы какъ и евреи призваны къ идеямъ и чувствамъ, молитвѣ и музыкѣ, но не къ господству. Овладѣли-же къ несчастію и къ пагубѣ души и тѣла $^1/_6$-ою частью суши. И, овладѣвъ, въ сущности испортили $^1/_6$ часть

сущи. Планета не вытерпѣла и перевернула все. Планета, а не германцы.

Опасная категорія.

Обаятельный, обольстительный, лукавый.

Удивительно, что къ категоріи „лукавства“, —вотъ этого особеннаго и особой глубины грѣха,—не ведутъ вообще никакія порочныя ступени, кромѣ какъ если ступить на первую:

— Обаятеленъ...

— Что такое? Какъ? Почему?

— Обаятеленъ,—потому-что не подлежитъ укору, не представляетъ порока и пороковъ, и всѣхъ „обаяетъ“, съ перваго-же взгляда, какъ только кто увидитъ или услышитъ его.

—Обольстителенъ, потому-что въ силу качества непорочности и красоты—всѣ идутъ за нимъ.

Но вотъ странно: какъ-же изъ непорочности и красоты можетъ вдругъ выдти третье? Это совершенно не натурально. Но однако глазъ людской, обыкновенный и, такъ сказать нетенденціозный, вдругъ замѣтилъ, что опас-

ная категорія именно и начинается съ двухъ качествъ:

—Обаятельности, обольстительности.

Поэтому-бы,—„по предреченіямъ“,—надо быть особенно осторожнымъ, если вдругъ увидимъ человѣка особливо, исключительно невиннаго, чистаго, непорочнаго.

—Обаятельнаго.

Въ этомъ отношеніи хорошо-бы поставить зарокъ, въ виду именно предупрежденій:

— Пусть будетъ хоть маленькій порокъ. Почти—невинный, но—однако недостатокъ. Величайшій изъ древнихъ, коего люди могли счесть „Богомъ“,—и даже дѣйствительно начали было „искать его могилу какъ Бога“, и не могли найти,—что человѣкъ этотъ былъ говоря славянскимъ словомъ,—„гугнивъ“. Т. е. онъ былъ косноязыченъ, заикался. „Спасъ народъ Божій отъ рабства“ и „далъ всѣ (всѣ!!) законы“, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, былъ ни болѣе, ни менѣе, какъ заикою. Качество прямо смѣшное. Но качество невинно. И вотъ, по этому соединенію „невиннаго и смѣшного“, —мы узнаемъ Божію книгу и узнаемъ Божіе событіе.

Въ самомъ дѣлѣ: отъ событія и отъ книги никакого „худого послѣдствія не проистекло“. Нужно замѣтить, что „лукавое“ начинаетъ узнаваться по *послѣдствіямъ*

Ибо прямо-то вѣдь какъ узнать: „обаятеленъ“ и „обольщаетъ“.

Огонь Христовъ.

Гдѣ обожжетъ огонь Христовъ...
Но—по настоящему обожжетъ...
Тамъ уже никогда ничего не выростетъ.
Вотъ—и градъ Салима (Соломона)
И—судьба Іудеи.
И Павелъ, проспвшій распять его „не какъ нашего Господа: но головою книзу“, дабы „голова его была тамъ, гдѣ ноги его возлюбленнаго Учителя“.
И—наши скопцы.
Объ этомъ-то и догадались впервые іезуиты.
Сказавшіе: „не увлекайтесь очень“. И начавшіе торговать въ Парагваѣ.

Тайны міра.

Ты одинъ прекрасенъ, Господи Іисусе! И похулилъ міръ красотою Своею. А вѣдь міръ-то—Божій.

Зачѣмъ-же Ты сказалъ: „я и Отецъ—*одно*“? Вы не только „одно“, а ты—*идешь на Него.* И сдѣлалъ что Сатурнъ съ Ураномъ.

Ты оскопилъ Его. И только чтобы оскопить—и пришелъ. Вотъ! вотъ! вотъ!—наконецъ-то разгадка словъ о скопчествѣ. И что въ Евангеліи уже не „любятъ“, а живутъ какъ „Ангелы Божіи“: какъ въ плавняхъ при-Днѣпровскихъ, „со свѣчечками и закопавшись“. О, ужасы, ужасы...

И весь Ты ужасенъ. Ты—не простой, а именно—ужасенъ. И ты воскресъ,—о, я вѣрю! „Егда вознесусь—всѣхъ привлеку къ себѣ“.

Но,—чѣмъ?

О, ты не *другъ* человѣковъ. Нѣтъ, не другъ. „Договоръ“, „завѣтъ“ (о „ветхомъ“), и это кажется формально и сухо. Но какъ Ты ихъ ужасно угнелъ, до послѣдняго рабства. Поистинѣ—„рабы Господни“... Даже и до смерти, до мученичества.

Не потрясаетъ-ли: „ни единый мученикъ

не быть пощажень". А вѣдь *могъ*-бы?...

Могъ-*ли*?

О,...

Конечно, кто *воскресилъ* Лазаря—*могъ*. Значитъ—*не захотѣлъ*...?

О, о, о...

Ты *все* могъ, Господи Іисусе. Ты, „потрясшій небо и землю".

И не избавившій даже дѣтей ни отъ муки небесной, ни отъ муки земной.

Рабы, рабы... Да, „договоръ"—онъ „святъ" —„Ты—мнѣ, какъ я тебѣ". Ты-же далъ все униженіе и взялъ себѣ всю славу. И вотъ, неужели ты не понимаешь, почему на тебя возсталъ праведный Израиль. Онъ возсталъ— не понимая. „Что-то *-не то*". Что—„не то"? Да похуливъ созданіе Божіе, ты болѣе всего похулилъ,—похулилъ особенно и страшно,—„отрока Іеговы". И онъ, не понимая, „что" и „за что",—возсталъ на тебя.

Вотъ разгадка, вотъ разгадка, вотъ разгадка.

Ну, слушай: очень хорошъ „лиліи полевыя". Но вѣдь не хуже и „человѣкъ"? Что-же Ты его все гвоздилъ „грѣхомъ"? И пугалъ муками? „Тамъ будетъ огнь неугасимый" и „скрежетъ зубовный". Очень мило.

Вообще, все очень мило въ Твоемъ созданіи, по-истинѣ — особомъ созданіи, особомъ „отъ Отца“. Люди болѣе не посягаютъ, не любятъ, не множатся. А всѣ слушаютъ Тебя, какъ эта бѣдная Марія.

О, бѣдная, бѣдная... Да ужъ не мученицами ли она „потомъ“, которую Ты тоже забылъ въ небесномъ величіи.

Искушеніе въ пустынѣ.

Чтобы быть „безъ грѣха“—Христу и надо было удалиться отъ міра... Оставить міръ... Т. е. *обезсилить* міръ.

„Силушка“—она грѣшна. Безъ „силушки“ что подѣлаешь? И надо было выбирать или „дѣло“, или—безгрѣшность.

Христосъ выбралъ безгрѣшность. Въ томъ и смыслъ искушенія въ пустынѣ. „И дамъ тебѣ всѣ царства міра“. Онъ не-взялъ. Но тогда какъ-же онъ „спасъ міръ“? Не-дѣланіемъ. „Уходите *и вы* въ пустыню“.

Не нужно царствъ... Не нужно міра. Не нужно вообще „ничего“... Нигилизмъ. Ахъ,

такъ вотъ *гдѣ корень его*. „Міръ безъ начинки“... Пирогъ безъ начинки. „Вкусно-ли“? Но, дѣйствительно: Христомъ вывалена вся начинка изъ пирога и то называется „христіанствомъ“.

Солнце.

Говорятъ: „Нѣтъ вѣчнаго perpetuum mobile“. Доказываютъ. Наука.

Свинья, роющая носомъ землю: посмотри вверхъ. Солнце.

Сказать: „солнце *устало*“, „теряетъ *энергію*“—безсмыслица. По-истинѣ, оно—*не истощается*, и все какъ-то—живетъ. Вотъ что если „не скучно“—то солнышко... Протуберанцы. Играетъ. Вулканы. „Корона солнечная“ (видна въ затмѣніяхъ). И—эти таинственныя „ультрафіолетовые лучи“, отъ коихъ, говорятъ,—вся жизнь.

RELIGIO.

Ростъ
было, есть, **будетъ**.
Почему оно „будетъ-то“?
Потому-что—есть **ростъ**...

Возростаніе, „больше“. Въ загадкѣ „больше“ лежитъ разгадка „прогресса“, „развитія“.

Все „развертывается“ изъ „точки“ въ „окружность“. И вотъ міръ изъ „точки. Бога“ развернулся въ „красоту-мірозданіе“.

И гдѣ-же „въ мірѣ“ нѣтъ „Бога“? И гдѣ-же „въ Богѣ“—нѣтъ „міра“?

И вотъ они связаны. „Religio“... Молитва. Нѣтъ вещи, которая бы не „молилась“, потому-что она—„растетъ“. И знаетъ, что „изъ точки“ растетъ, изъ—*отцовской* точки.

И нѣтъ Бога не-Покровителя. Это Провидѣніе. Ибо точка знаетъ свою окружность, какъ курица—порожденная ею яица, на которыхъ она сидитъ.

Такъ вышли небо земля и звѣзды. Они „вышли“, потому-что міръ есть религія:—не потому, что „въ мірѣ зародилась религія“, а совсѣмъ и вовсе наоборотъ, совершенно и вовсе разное: потому-то и вышли „луна, звѣзды, и земля“, и „закружилось все—въ небо“, что въ тайнѣ и сущности мірозданія—какъ вздохъ и тѣнь—всегда лежала молитва.

Можно сказать, что вздохъ былъ „тѣмъ паромъ“, „туманомъ“, изъ котораго и вышло

„все". Такъ что „все"—естественно и „задышало", когда появилось.

Оно задышало, потому-что появилось изъ „вздоха". Потому, что „вздохъ"—это „Богъ".

Богъ—не бытіе. Не Всемогущество. Богъ—„первое вѣяніе", „утро". Изъ котораго все—„потомъ".

Туфля.

Неужели-же, неужели всѣ европейцы,—и первые ученые изъ нихъ, и такъ вообще „толпа", воображаютъ объ евреяхъ и объ отношеніи ихъ ко Христу, что это *одно лишь упорство* народа, сдѣлавшаго ошибку, но затѣми—ни за что не желающаго *поправиться*, сознать свою *ошибку*? Хотя „теперь-то уже очевидно все превосходство христіанства надъ закономъ Моисеевымъ"? „такимъ *узкимъ* и такимъ *обрядовымъ*?!!"—„Евреи *ошиблись*, не признавъ своими же пророками предреченнаго Мессію" и просто въ одинъ скверный день бытія своего они перемѣшали туфли, одѣвъ правую ногу въ лѣвую туфлю, а лѣвую ногу въ правую туфлю"? „И вотъ съ тѣхъ поръ такъ и ходятъ, смѣша людей и являясь посмѣшищемъ исторіи"...

Такова общая *концепція* европейцевъ и Европы объ Іудѣ и юдаизмѣ.

Между тѣмъ, неужели европейцамъ не приходитъ на умъ, что „иначе переобувъ туфли" —еврей каждый и единолично содѣлался-бы въ христіанскомъ мірѣ равнозначущъ Апостолу Павлу, и вообще апостоламъ, которые „всѣ были изъ іудеевъ"? И что это обѣщало-бы и *исполнило* для нихъ обѣтованіе Исаіи: „будетъ время, и народы *понесутъ васъ на плечахъ своихъ*"... И это, т. е. исполненіе обѣтованія, настало-бы просто „завтра", „завтрашній день"... Неужели-же не очевидно, что если власть надъ цѣлымъ міромъ, „которая вотъ въ рукахъ уже",—еврей не берутъ, если корыстные не беруть богатства, славолюбивые не беруть славы, то,..то...то...

Это—отъ того, что взять ее

грѣхъ

О,—такой *особенный* грѣхъ, въ такомъ *исключительномъ* видѣ грѣхъ... И который не простится ни въ жизни *этой*, ни—*въ будущей*. Это уже не воровство, кража, жадность, лѣнь, что мы дѣлаемъ каждый въ норкахъ житія своего, а что-то планетное, космогоническое, страшное. „Перемѣна *судьбы*

своей". „Обмѣнять *души* свою на богатства міра и на власть надъ міромъ".

Какъ-же было европейцамъ, и особенно мыслителямъ европейскимъ, подумать не о „туфлѣ на ногѣ", о чемъ-то именно несопзмѣримѣйшемъ... И—не объ *упрямствѣ*, а о томъ: „не **грѣхъ**-ли это въ самомъ дѣлѣ?"

Если-же „грѣхъ признать Іисуса": то, сверкая молніями сюда, какъ было не оглянуться: „А, можетъ быть, мы—и *приняли* **этотъ грѣхъ**"?

Вѣдь такъ именно и получено самимъ Христомъ: получена *власть надъ цѣлымъ міромъ*, вопреки видимаго, разсказаннаго въ Евангеліи, отреченія;—*богатства цѣлаго міра*. Власть *надъ Европою*, европейцами, *мыслью* ихъ, *смысломъ* ихъ.

Вдругъ послѣдній бѣднякъ-еврей отказывается: —„*не надо* этого!"—„*не хочу* этого"!

Неужели не ясно, что это—не то-же, что „туфля"

Но, когда такъ: то не явно-ли, что скорѣе ужъ мы „обули *не такъ* ноги",—но что вотъ именно мы, по своей дѣйствительно лѣни, по своей засвидѣтельствованной лѣни, лишь держимся этого *косно* и *по традиціи*.

№ 6—№ 7. Цѣна 70 коп.

В. Розановъ.

Апокалипсисъ нашего времени.

1. Переживаніе.
2. Почему на самомъ дѣлѣ евреямъ нельзя устраивать погромовъ?
3. Еще о „сынѣ“ въ отношеніи „Отца“.
4. Приказъ № 1.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ М. С. Елова.

1918.

Переживаніе.

Въ Посадѣ мѣра картофеля (августа 12-го 1918 года)—50 рублей. Услышалъ отъ старушки Еловой, что въ гор. Александровѣ, близъ Посада, мѣра—6 руб. Спѣшу на вокзалъ справиться, когда въ Александровъ отходятъ поѣзды. Отвѣчаетъ мастеровой съ бляхой:

— Въ *три*.

Я:

— Это по старому или по новому времени?

Часы по приказанію большевиковъ переведены въ Сергіевѣ на 2 часа впередъ.

— Конечно по новому. Теперь все по новому. (Помолчавъ:)—Старое теперь все въ могилѣ.

Да. Радуйся русская литература. И ржаная мука уже 350 р. пуд.

Бѣдные мрутъ. Богатые едва имѣютъ силу держаться.

Почему на самомъ дѣлѣ евреямъ нельзя устраивать погромовъ?

Въ революціи нашей въ высшей степени „неясенъ“ еврей. Какъ онъ во всемъ не ясенъ, и запутался во всей европейской цивилизаціи. Но до Европы—оставимъ. Намъ важны „мы“. Посмотрите, какъ они трясутся надъ революціей. Не умно, злобовредно, но—трясутся. А вѣдь это и ихъ „гешефтамъ“ не обѣщаетъ ничего. Даже обѣщаетъ плохо. Почему же они трясутся? Я разъ посмотрѣлъ въ иллюстрированномъ журналѣ—Нахамкиса; и, противъ непріятнаго Ленина, сказалъ: —„Какъ онъ серьёзенъ“ (хотѣлъ-бы видѣть въ натурѣ).

Да, рѣчь его противъ Михаила Александровича—нагла. Но вѣдь еврей и всегда наглы. Въ Европѣ, собственно, они не умѣютъ говорить европейскимъ языкомъ, т. е. льстивымъ, вкрадчивымъ и лукавымъ, во всякомъ случаѣ—вѣжливымъ, а орутъ какъ въ Азіи, ибо и суть азіаты, грубіаны и дерзки. Это—гогочущіе пророки, какъ я опредѣлилъ какъ-то. Они обо всякой курицѣ, т. е. въ торгѣ, про-

рочествуютъ. „Ефа за ефу“.—„отчего ефу не вывѣряешь“, „отчего вѣсы не вѣрны“ (Исаія,—или который-то, разъ попалось). Но... онъ дѣйствительно, дѣйствительно „припадалъ къ ногамъ“—хотя бытъ „Стекловымъ“ [1]). Но это—не обманъ. Только отодвинутый „кончикомъ носка сапога“, онъ разъярился какъ „Нахамкисъ“ и на Михаила Александровича, и—дальше... И возненавидѣлъ всю эту старую „черствую Русь“.

Евреи... Ихъ связь съ революціей я ненавижу, но эта связь, съ другой стороны,—и хороша; ибо изъ-за связи и даже изъ-за поглощенія евреями почти всей революціи—она и слиняетъ, окончится погромами и вообще окончится ничѣмъ: слишкомъ явно, что „не служить-же русскому солдату и мужику евреямъ“... Я хочу указать ту простую вещь, что если магнаты еврейства можетъ быть и думаютъ „въ цѣломъ руководить потомъ Россіей“, то есть бѣдные жидки, которые и соотечественникамъ не уступятъ русскаго му-

---

[1]) Найденное, послѣ взлома революціоннаго, его прошеніе на Высочайшее Имя, о позволеніи перемѣнить свою еврейскую фамилію—на русскую.

якина (идеализированнаго) и ремесленника и вообще (тоже идеализированнаго) сироту. Евреи сантиментальны, глуповаты и преувеличиваютъ. Русскій „мужичекъ - простачекъ“ злобнѣе, грубѣе... Главное—гораздо грубѣе. „Съ евреями у насъ дѣло вовсе не разобрано“. Еврей есть первый по культурѣ человѣкъ во всей Европѣ, которая груба, плоска и въ „человѣчествѣ“ далѣе соціализма не понимаетъ. Еврей-же зналъ вздохи Іова, пѣсенки Руѳи, пѣснь Деворры и сестры Монсея:

— О, фараонъ, ты ввергнулся въ море. И кони твои потонули. И вотъ ты—ничто.

Евреи—самый утонченный народъ въ Европѣ. Только по глупости и наивности они пристали къ плоскому дну революціи, когда ихъ мѣсто—совсѣмъ на другомъ мѣстѣ, у подножія державъ (такъ вѣдь и поступаютъ и чтутъ старые *настоящіе* евреи, въ *благородномъ*: „мы—*рабы* Твои“, у всего настояще. Великаго. „Величитъ душа моя Господа“—это всегда у евреевъ, и всегда—въ отношеніи къ великому и благородному исторіи). О, я вѣрю, и Нахамкисъ приложился сюда. Но—сорвалось. Сорвалось не-„велпчіе“, и онъ ушелъ, мстительно какъ еврей,—ушелъ „въ

богему". „Революція такъ революція". „Вали все". Это жидъ и жидокъ и его нетерпѣливость.

Я выбираю жидка. Сколько насмѣшекъ. А онъ все цымбалитъ. Насмѣшекъ, анекдотовъ: а онъ смотритъ русскому въ глаза и поетъ ему пѣсни (на жаргонѣ) Задивпровья, Хохломаніи, Подоліи, Волыни, Кавказа, и, можетъ быть, еще Сиріи и Палестины и Вавилона и Китая (я слышалъ, есть китайцы-евреи, и отпускаютъ себѣ косы!!!). Евреи вездѣ и онъ „странствующій жидъ". Но не думайте, не для „гешефта": но (наша Лѣтопись)—„Богъ отнялъ у насъ землю за грѣхи наши и съ тѣхъ поръ мы странствуемъ".

И вездѣ они несутъ благородную и святую идею „грѣха" (я плачу), безъ которой нѣтъ религіи, а человѣчество было-бы разбито (праведнымъ небомъ), если-бы „отъ жидовъ" не научилось трепетать и молить о себѣ за грѣхъ. Они. Они. Они. Они утерли сопли преслову-тому европейскому человѣчеству и всунули ему въ руки молитвенникъ: „на, болванъ, помолись". Дали псалмы. И Чудная Дѣва—изъ евреекъ. Что-бы мы были, какая дичъ въ Европѣ, если-бы не евреи. Но они пронесли не-

чальныя пѣсни черезъ насъ, смотрѣли (всегда грустными глазами) на насъ. И разъ я на пароходѣ слышалъ (и плакалъ): „Купи на 15 коп. уксусной кислоты—я выпью и умру. Потому-что онъ измѣнилъ мнѣ“. Пѣла жидовка лѣтъ 14-ти, и 12-лѣтній братъ ея игралъ на скрипкѣ. И жидовка была серьезна. О, серьезна... Я (въ душѣ) плакалъ. И думалъ: „какъ честно; они вырабатываютъ пятаками за проѣздъ, когда у насъ бѣдные ѣдутъ фуксами, т. е. какъ нибудь на казенный счетъ, или подъ лавкою, и вообще—на даровщинку.

И вотъ они пѣли, какъ и Деворра, не хуже. Почему хуже? Какъ „На рѣкахъ вавилонскихъ“:—„О, мы разобьемъ дѣтей твоихъ о камень, дщерь вавилонская“. Это—Нахамкисъ. Нахамкисъ кричитъ: „Зачѣмъ-же лишили его права быть Стекловымъ“, „благороднымъ русскимъ гражданиномъ Стекловымъ“, и также сталъ „ругать звѣрски Михаила Александровича“, какъ іудеянки хотѣли (вѣдь только *хотѣли*) „разбивать вавилонскихъ дѣтей о камня“ (вавилонскій жаргонъ).

Это—гнѣвъ, ярость: но оттого-то они и живутъ и не могутъ и не хотятъ умереть, что—горячи.

И будь, жидъ, горячъ. О, какъ Розановъ—и не засыпай, и не холодѣй вѣчно. Если ты задремлешь—міръ умретъ. Міръ живъ и даже не сонень, пока еврей „все однимъ глазкомъ смотритъ на міръ". -„А почемъ нынче овесъ?"—И торгуй, еврей, торгуй,—только не обижай русскихъ. О, не обижай, миленькій. Ты талантливъ, даже геніаленъ въ торговлѣ (связь вѣковъ, связь съ Финикіей). Припусти насъ, сперва припусти къ „Торговлѣ аптекарскими товарами", къ аптекамъ, научи „синдикатамъ" и вообще введи въ свое дѣло ну хоть изъ 7—8⁰ о, а себѣ—100, и русскіе должны съ этимъ примириться, потому что вѣдь не они изобрѣтатели. Подай еврею, подай еврею,—онъ творецъ, сотворилъ. Но потомъ подай и русскому. Господи: онъ нищъ.

О, довольно этой „нищенской сумы", этого христіанскаго нищенства, изъ котораго вѣдь выглядываютъ завидущіе глазки. Но оставимъ. И вернемся къ печальнымъ пѣснямъ Израиля.

И вотъ онъ играетъ, мальчишка, а дѣвченка поетъ. Какъ я слушалъ эту пѣсню безумную, на Волгѣ. И дѣти мои слушали. И они почти плакали. Впечатлительны всѣ. „Вѣдь у васъ былъ Самсонъ, еврей?" Моргаетъ.—„Помните,

Самсонъ и Далила?"—„Какъ они сражались съ филистимлянами"?—„Сражались, о, о..."—„Ну?" –„Теперь одна стѣна плача. Римляне разгромили все"...

И они трясутъ кулаками по направленію Рима. „У... У... У...". Но, евреи, утѣшься: давно прошли легіоны Рима; отъ Рима, „того самаго", осталось еще меньше, нежели осталось отъ Іерусалима; онъ еще гораздо глубже погребенъ. А вы все еще спрашиваете у лѣниваго хохла: „А всетаки почемъ-же пшено?"

Русскіе въ странномъ обольщеніи утверждали, что они „*и* восточный *и* западный народъ",—соединяютъ „и Европу и Азію *въ себѣ*", не замѣчая вовсе того, что скорѣе они и *не* западный, и *не* восточный народъ, ибо что-же они принесли Азіи, и какую роль сыграли въ Европѣ? На Востокѣ они ободрали и споили бурятъ, черемисовъ, киргизъ-кайсаковъ, ободрали Арменію и Грузію, запретивъ даже (самъ слушалъ обѣдню) слушать свою православную обѣдню по-грузински. О, о, о... Самъ слушалъ, самъ слушалъ въ Тифлисѣ. Въ Европѣ явились какъ Герценъ и Бакунинъ и „внесли соціализмъ", котораго „вотъ именно не хватало Европѣ". Между Европой и Азіей

мы явились именно „межеумками", т. е. именно нигилистами, не понимая ни Европы, ни Азіи. Только пьянство, муть и грязь внесли. Это, дѣйствительно, „внесли". Страховъ мнѣ говорилъ съ печалью и отчасти съ восхищеніемъ: „Европейцы, видя во множествѣ у себя русскихъ туристовъ, поражаются талантливостью русскихъ и *утонченнымъ изъ развратомъ*". Вотъ это—такъ. Но принесли-ли мы семью? добрыя начала нравовъ? Трудоспособность? Ни-ни-ни. Теперь, Господи, какъ страшно сказать... Тогда какъ мы „и не восточный, и не западный народъ", а просто ерунда,—ерунда съ художествомъ,—евреи являются на самомъ дѣлѣ не только первенствующимъ народомъ Азіи, давшимъ уже не „кое-что", а весь свѣтъ Азіи, весь смыслъ ея, но они гигантскими усиліями, неутомимой дѣятельностью, становятся мало-по-малу и первымъ народомъ Европы. Вотъ! Вотъ! Вотъ! Этого-то и не сказалъ никто о нихъ, т. е. „о *соединительной* ихъ роли между Востокомъ и Западомъ, Европою и Азіею". И—пусть. О, пусть... Это—да, да, да.

Посмотрите, встрѣпенитесь, опомнитесь: не смотря на побои, какъ они часто любятъ рус-

скихъ и жалѣютъ ихъ пороки, и никогда „по-Гоголевски“ не издѣваются надъ ними. Надъ порокомъ нельзя смѣяться, это—преступно, звѣрски. И своею и нравственною, и культурною душою, они никогда этого и не дѣлаютъ. *Я за всю жизнь никогда не видѣлъ еврея, посмѣявшагося надъ пьянымъ или надъ лѣнивымъ русскимъ.* Это что-нибудь значитъ среди оглушительнаго хохота самихъ русскихъ надъ своими пороками. Среди нашихъ очаровательныхъ: „Фонъ-Визинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, Щедринъ, Островскій“. А вотъ слова, которыя я слышалъ: „Послушайте, какъ вы смотрите на русскаго священника?“ –„При всѣхъ его недостаткахъ, я все-таки люблю его“.—„Люблю? Это—мало: можно-ли *не чтить его:* онъ получаетъ корку хлѣба, т. е. сельскій священникъ, а сколько труда, сколько труда онъ несетъ“. Это докторъ Розенблюмъ, въ Лугѣ, въ 1910 г. Я думалъ, онъ—нѣмецъ. Разспросилъ—еврей. Когда разбиралось дѣло Панченко („Де-Тасси и Панченко“), пришлось при экспертизѣ опросить какого-то врача-еврея, и онъ сказалъ серьезно: „Я вообще привыкъ думать, что *русскій врачъ есть достойное и нравственное* лицо“. Я такъ былъ по-

раженъ обобщенностью вывода и твердостью тона. И за всю жизнь я былъ поражаемъ, что не смотря на побои („погромы“) взглядъ евреевъ на русскихъ, на душу русскую, на самый даже несносный характеръ русскихъ—уважителенъ, серьезенъ. Я долго (многіе годы) приписывалъ это тому, что „евреи хотятъ еще больше развратиться русскимъ“: но покоряетъ дѣло истинѣ своей, и я въ концѣ концовъ вижу, что это—не такъ. Что стояло безумное оклеветаніе въ душѣ моей, а на самомъ дѣлѣ евреи уважительно, любяще и трогательно относятся къ русскимъ, даже со страннымъ противъ европейцевъ предпочтеніемъ. И на это есть причина: среди „свинства“ русскихъ, есть правда одно дорогое качество—интимность, задушевность. Евреи—тоже. И вотъ этою чертою они ужасно связываются съ русскими. Только русскій есть пьяный задушевный человѣкъ, а еврей есть трезвый задушевный человѣкъ.

Огромный красивый солдатъ, въ полу-сумракѣ уже, говорилъ мнѣ:

— Какъ отвратительно... Какъ отвратителенъ тонъ заподозриванія среди этого Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Я при-

шелъ въ Таврическій Дворецъ и не вѣрю тому, что вижу... Я пришелъ съ вѣрою—въ народъ, въ демократію...

Такъ-какъ я пришелъ „безъ вѣры“, то горячо и какъ-бы „хватаясь за его руку“, спросилъ у него:

— Да *кто* вы?..

— Солдатъ изъ Финляндіи... Стоимъ въ Финляндіи... Я, собственно, еврей...

— Я—русскій. Русскій изъ русскихъ. Но я хочу васъ поцѣловать.—И мы крѣпко поцѣловались.

Это было, когда я захотѣлъ посмотрѣть „солдатскихъ депутатовъ“ въ мартѣ или въ апрѣлѣ 1917-го года.

Въ томъ-же мѣсяцѣ, но много позже:

Уголъ Литейной и Бассейной. Трамвай. Переполненъ. И старается пожилой еврей съ женою сѣсть съ передней площадки, такъ какъ на задней „висятъ“. И осторожно и стараясь быть не очень замѣтнымъ—подсаживаю жену его. Когда вдругъ схватилъ меня за плечо солдатъ, очевидно не трезвый („ханжа“):

— Съ передней площадки запрещено садиться. Развѣ ты не знаешь?!!!...

Я всегда поражался, что эти господа и во-

обще вся россійская публика, отмѣнивъ у себя царскую власть „порывомъ“, никакъ не можетъ допустить, чтобы человѣкъ тоже „порывомъ“ вскочилъ на переднюю площадку вагона и поѣхалъ, куда ему нужно. Оттолкнувъ его, я продолжалъ поддерживать и пропихивать еврейку, сказавъ и еврею:—„Садитесь, садитесь скорѣе!!“

Мотивъ былъ: еврей торопливо просилъ пропустить его „хоть съ передней“, ибо онъ спѣшилъ къ отходу финляндскаго поѣзда. А всякій знаетъ, что значитъ „опоздать къ поѣзду“. Это значитъ „опоздать и къ обѣду“, и пошло разстройство всего дня. Я поэтому и старался помочь.

Солдатъ закричалъ, крикнувъ и другимъ тутъ стоявшимъ солдатамъ („на помощь“): „тащите его въ коммиссаріатъ, онъ оскорбилъ солдата“. Я, правда, кажется назвалъ его дуракомъ. Я смутился: „съ коммиссаріатомъ я ко всякому обѣду у себя опоздаю“ (а тоже спѣшилъ). Видя мое смущеніе и страхъ, еврей вступился за меня:—„Что-же этотъ господинъ сдѣлалъ, онъ только помогъ моей женѣ“.

И вотъ, я не забуду этого голоса, никогда

его не забуду, потому-что въ немъ стоялъ ножъ:

— Ж-ж-идъ прок-ля-тый...

Это было такъ сказано.

И какъ музыка, старческое:

— Мы уже теперь всѣ братья („гражданство", „свобода",—мартъ): зачѣмъ-же вы говорите такъ (т. е. что „и еврей, и русскій—братья", „нѣтъ больше евреевъ какъ *чужихъ и постороннихъ*").

Я не догадался. Я не догадался...

Я слышалъ всю музыку голоса, глубоко благороднаго и глубоко удивляющагося.

Потомъ уже, на завтра, и даже „сегодня" еще, я понялъ, что мнѣ нужно было снявъ шапку почти до земли поклониться ему, и сказать: „Вотъ, я считаюсь врагомъ еврейства, *но на самомъ дѣлѣ я не врагъ: и прошу у васъ прощенія за этого грубаго солдата*".

Но солдатъ такъ кричалъ и такъ пытался схватить и дѣйствительно хваталъ за руку со своимъ „*коммиссаріатомъ*", что въ попыхахъ я не сдѣлалъ естественнаго.

И опять этотъ звукъ голоса, какого *на русской улицѣ*,—ужъ извините: на русской пох...ной улицѣ,—не услышишь.

Никогда, никогда, никогда.

„Мы уже теперь всѣ братья. Для чего-же вы говорите такъ?“

Евреи наивны; евреи бываютъ очень наивны. Тайна и прелесть голоса (дребезжащаго, стараго) заключалась въ томъ, что этотъ еврей, —и такъ, изъ полу-образованныхъ, мѣщанъ,— глубоко и чисто повѣрилъ, со всѣмъ восточнымъ довѣріемъ, что эти плуты русскіе въ самомъ дѣлѣ „что-то почувствовавъ въ душѣ своей“, „не стерпѣли стараго произвола“ и, вотъ, „возгласили свободу“. Тогда-какъ, по завѣтамъ русской исторіи, это были просто Чичиковы,—ну, „Чичиковы въ помѣси съ Муразовыми“. Но уже никакъ не больше.

Форма. Фраза.

И вдругъ это такъ перерѣзало музыкой. Нельзя объяснить, не умѣю. Но даже до Чудной Дѣвы мнѣ что-то послышалось въ голосѣ. „Величитъ душа моя Господа и возрадовался духъ мой о Богѣ Спасѣ моемъ“.

Я хочу то сказать, что все европейское какъ-то необыкновенно грубо, жёстко сравнительно съ еврейскимъ. Тутъ тайна Сиріи и ихъ жаркихъ странъ. Тутъ та тайна еще, что они Іова слушаютъ не двѣ тысячи лѣтъ, а

пять тысячъ лѣтъ, да очевидно и слушаютъ-то другимъ ухомъ. Ахъ, я не знаю что... Но я знаю, что не въ умѣ евреевъ дѣло, не въ дѣятельности и дѣловитости, какъ обыкновенно полагаютъ, а совершенно въ иномъ... Дѣло заключается, или почти должно заключаться въ какой-то таинственной Суламиѳи, которая у нихъ разлита во всемъ,—въ иномъ ослѣпленіи, въ иной воспріимчивости къ цвѣтамъ, въ иной пахучести, и—какъ человѣка „взять", „обнять", „приласкать". Гдѣ-то тутъ. „Отъ человѣка къ человѣку". Не „въ евреѣ", а въ „двухъ евреяхъ". И вотъ тутъ-то они и разливаются во всемірность.

„Русскіе — общечеловѣки". А когда дѣло дошло до Арменіи, — одинъ министръ иностранныхъ дѣлъ (и недавній) сказалъ: „Намъ (Россіи) нужна Арменія, а вовсе не нужно армянъ". Это—дѣловымъ, строгимъ образомъ. На концѣ тысячелѣтія существованія Россіи. Т. е. не какъ восклицаніе, гнѣвъ, а (у министра) почти какъ программа... Но вѣдь это значитъ: „согналъ-бы и стёръ съ лица земли армянъ, всѣхъ этихъ стариковъ и дѣтей, гимназистовъ и гимназистокъ, если-бы *не было неприлично и не показалось некультурно*". Это

тотъ-же Герценъ и тотъ-же соціализмъ. Это вообще русскій нигилизмъ, очевидно *вѣковѣчный* (Китъ Китычъ, о женѣ своей: „хочу съ кашей ѣмъ, хочу со щами хлѣбаю"). Опять, опять „удѣлъ Россіи":—очевидно, не русскимъ дано это пониманіе въ удѣлъ. Несчастные русскіе,—о, обездоленные... Опять-же евреи: на что—погромы. Вѣдь это—ужасъ. И вотъ все-же они нашли и послѣ нихъ всѣ слова, какія я привелъ,—и порадоваться русской свободѣ, и оцѣнить русскаго попа. Да и вообще *злого глаза, смотрящаго украдкою или тайно за спиною русскаго, я у еврея не видалъ.*

Я и хочу сказать, что дѣло заключается въ какой-то дѣловой всемірности,—не отвлеченной, не теоретической, а съ другой стороны—не вздыхающей и слезливой, а практической и помогающей. Самый „соціализмъ ихъ", какъ я его ни ненавижу, все-таки замѣчателенъ: все-таки вѣдь соціализмъ выражаетъ мысль о „братствѣ народовъ" и „братствѣ людей", и они въ него уперлись. Тутъ только наивность евреевъ, которые рѣшительно не такъ умны, какъ европейцамъ представляется, какъ европейцы пугаются. Они взяли элементарно, первобытно, высчитывая

по пальцамъ: „кто *съ чѣмъ*, съ *какимъ имуществомъ* живетъ“, и не догадываясь, что все зависитъ отъ „*какъ* этотъ человѣкъ живетъ“; что можно жить „съ большимъ богатствомъ—*какъ въ аду*“ (наши Китъ Китычи) и можно жить на кухнѣ, „въ прислугахъ“—„счастливѣе господъ“. Рѣшительно я замѣчалъ, какъ многіе „господа“ живутъ печальнѣе, грустнѣе и раздраженнѣе своихъ прислугъ, которые—по самымъ лицамъ ихъ видно—живутъ „благословясь“ и „въ благословеніи“. Соціализмъ вообще плосокъ, доска,—и безмѣрная наивность евреевъ, что они *восприняли* его, что они повѣрили въ такой глупый счетъ ариѳметическихъ машинъ. И я вѣрю, что это непремѣнно и скоро кончится. *Имъ-ли, имъ-ли*, послѣ *ихъ-ли исторіи* и судебъ,—вѣрить этому... Имъ-ли, которые въ нѣгѣ реализма („будь все какъ *есть*“) произнесли: „льна курящагося *не погаси*“ и „трости надломленной *не переломи*“,—и которые, если кто богатый обѣднѣетъ у нихъ, то община обязана не только содержать его, но и купить ему карету, если прежде была у него карета: дабы онъ не испытывалъ перемѣны въ самомъ уровнѣ своего положенія и *не скорбѣлъ черезъ*

самую мысль даже о немъ... Это именно нѣта благородства и человѣчности, и выраженная кухоннымъ, т. е. реальнѣйшимъ способомъ. „Такъ несчастно живутъ въ ихъ гетто“ и ихъ „свиные кагалы“. (Мнѣ сообщилъ это еврей торговецъ дамскими ботинками, въ совершенно темномъ вагонѣ, въ Спб., въ Варшавскомъ вокзалѣ; онъ былъ, что такая у нихъ рѣдкость, немного не трезвъ). Вотъ! вотъ! вотъ! настоящая идея уравненія бѣднаго и богатаго: помощь бѣдному и *помощь богатому*, дабы оба держались „на томъ-же уровнѣ“, безъ ощущенія разницы температуръ *привычной жизни*, жизни—просто *отъ роду*. О, геній универсальности и чуткости. Богачъ можетъ также скорбѣть *и страданія его могутъ быть величайшія*. Нельзя завистливымъ глазомъ смотрѣть на богатство. Это—христіанство. И чуть-ли именно по зависти, а не по „благости“—соціализмъ есть во-истину христіанское явленіе. Самый „соціализмъ“ или „соціализація“—безъ христіанства—выразился-бы пожалуй въ другомъ, иначе: обѣдаю *самъ*, но и еще лишнему, гостю, *чужому съ улицы*—даю обѣдъ, сажаю съ собою его за столъ, *не отягощаясь*, что это—чужой. Соціализмъ вы-

разился-бы *близостью*, соціализмъ выразился-бы *любовью*; а не—„перерву горло“ у солдата, закричавшаго: „жидъ про-кля-тый“. Словомъ, соціализмъ выразился-бы тоже однимъ изъ таинственныхъ вѣяній Сулимиѳи, какимъ—мы не знаемъ, если-бы онъ былъ оригинально-евреенъ, а не подражательно-евреенъ (отъ европейцевъ). Да вотъ: „Дай, я *умою ноги тебѣ*“, о нищемъ, о бѣдномъ. Тутъ именно „дотронуться“, дотронуться *до бѣднаго*. Какъ я и сказалъ: „надо пощупать кожу его“.

Суть вещей. Суламиѳь. Вѣдь вся „Пѣснь пѣсней“—пахуча. Тайна вещей, что онъ не „добръ“, а—нѣженъ. Добро—это отвлеченность. Добро—это долгъ. Всякій „долгъ“ надоѣстъ когда-нибудь дѣлать. Тайна міра, тайна всего міра заключается въ томъ, чтобы *мнѣ самому было сладко дѣлать сладкое*, и вотъ тутъ секретъ. „Сними обувь, и я взявъ холодной воды—проведу по подошвамъ твоимъ, по подъему ноги, по пальцамъ“. Тутъ такъ близко, что уже есть любовь. „Я замѣчу старую морщину у старика,—да и такъ, можетъ выйти случай, шутка около омовенія ногъ“. Это вообще такъ близко, что не можетъ не завязаться шутка и анекдотъ „около ноги“.

Ну, вотъ, видите: а разъ—шутка и анекдотъ, то уже никогда не выйдетъ холоднаго, холоднаго потому—что формальнаго, liberté, fraternité, égalité. Къ великимъ прелестямъ еврейской исторіи относится то, что при всей древности и продолжительности ея—никогда у нихъ даже не мелькнуло сказать такой пошлости. Такой невѣрности и такой несправедливости. Ибо вѣдь нужно и истину и справедливость перевернуть вверхъ дномъ, дабы между неодинаковыми, ничего между собою не имѣющими общаго людьми, установить egalité, да и еще родственное—fraternité.

Прямо чувствуешь франтовъ и маркизовъ XVIII-го вѣка, fin du siècle XVIII-ème. А это: „Около тебя *раба твоя*, Руфь..."—„И *будетъ имъ по глаголу твоему*"... Какіе все тоны! Ты плачешь, европеецъ. Плачь же. Плачь бѣдными своими глазами. Плачь: потому-что въ оригинальной твоей исторіи ты вообще не сотворилъ такихъ словооборотовъ, сердцеворотовъ, умоворотовъ. Вся душа твоя—площе, суше, холоднѣе. О, другое солнце, другое солнце. Другая пахучесть, иныя травы. И—посмотрите, королевы-ли, маркизы, жены, любовницы: вѣдь Суламиѳь всего только лю-

бовница. Любовница? И никто не отрицаетъ. Но жены стоятъ и рыдаютъ: „о, какъ хотѣлибы мы только побыть такою любовницею". И вотъ—посмотрите чудо, чудо уже въ нашей исторіи и „въ строгостяхъ нашихъ": и церковь не отрицаетъ, что это только любовница. Но и она рыдаетъ и говоритъ: „Какое чудо... Я знаю—*кто* она, эта Суламиѳь: и—не осуждаю, и обнимаю ноги ея, потому-что она вся прекрасна и благородна, и нѣтъ лучшей между женами по чистотѣ мыслей и словъ".

И чувствуете-ли вы, европейцы, что вотъ уже и весь міръ преображенъ. Нѣтъ вашихъ сухихъ категорій, нѣтъ вашихъ плоскихъ категорій. Гдѣ юриспруденція? гдѣ законы? Нѣтъ, гдѣ—гордость? А изъ нея у Европы—все. Вся Европа горда и изъ гордости у нея все. Не надо! Не надо! Небо, небо! Неба дай намъ. А небо...

Оно тамъ, гдѣ рабство. Гдѣ рабы счастливѣе господъ. А „гдѣ рабы счастливѣе господъ" — это тайна Израиля. Ибо по-истинѣ Суламиѳь была счастливѣе Соломона и Агарь прекраснѣе Авраама. Вотъ.

Еще о „сынѣ“ въ отношеніи „Отца“.

...Въ сынахъ человѣческихъ,—сынахъ *земныхъ* и *несовершенныхъ*,—такъ это и происходитъ, что „сынъ **рождается**“, если отецъ былъ не **полонъ**. Если онъ не кругль, не закруглень (зерно, **видъ** зерна, онтологическое основаніе закругленности **всякихъ вообще** зеренъ), если онъ—**угловатъ**.

Сынъ, дѣти въ сынахъ человѣческихъ всегда **не походятъ** на отца, и скорѣе **противолежатъ** ему, нежели его повторяютъ собою. Мысль о *тавтологіи* съ отцомъ, *не отличимости* отъ отца противорѣчитъ закону космической и онтологической цѣлесообразности. Повтореніе вообще какъ-то глупо. Онтологически—оно не возможно.

Посему кто сказалъ-бы: „я и отецъ—**одно**“, вызвалъ-бы отвѣтомъ недоумѣніе: „Къ чему?“ —„Зачѣмъ *повтореніе*?“ Нѣтъ, явно, что сынъ могъ-бы „придти“ только чтобы „восполнить отца“ какъ несовершеннаго, лишеннаго полноты и вообще недостаточнаго. Безъ онтологической недостаточности отца не можетъ быть сына, хотя-бы отецъ и былъ „вѣчно рождающимъ“ и даже только въ сути своей

именно „рождающимъ“. Но онъ „рождаетъ міръ“ и наконецъ имѣетъ даръ, силу и красоту рожденія, хотя-бы даже безъ выраженія ея на землѣ или въ исторіи. Вѣрнѣе, онъ именно *продолжаетъ* и доселѣ сотворятъ міръ, *соучаствуя* всѣмъ *тварямъ* безъ исключенія въ родахъ ихъ: составляетъ *нервъ* и *нить* ихнихъ родовъ, отъ цвѣтка и до человѣка, безъ преимущества цвѣтку или человѣку. Но чтобы „появился сынъ“ какъ имянность и лицо, то это могло-бы быть только, чтобы сказать нѣчто *новое землѣ* и *совершить* на ней тоже *новое*. Безъ новизны нѣтъ сына. Сказать *иное* отъ отца и именно *отличное* отъ отца—вотъ для чего могъ-бы „придти“ сынъ. Безъ противорѣчія отцу не можетъ быть сына,

Такъ это и изложено въ самомъ Евангеліи. „Древніе говорятъ..., **а (но)**—Я говорю“. На самомъ дѣлѣ это говорили не древніе *люди*, но—*законъ* ихъ, вышедшій отъ Отца. Возьмемъ-же „око за око“ и „подставь ланиту ударившему тебя“. „Око за око“ есть основаніе онтологической справедливости наказанія. Безъ „око за око“—*быстъ* преступленіе и *нѣсть* наказанія. А „наказаніе“ даже въ упрекѣ со-

вѣсти (и въ немъ сильнѣе, чѣмъ въ физикѣ)— оно **есть**, и оно *онтологично міру*, т. е. одновременно міру, въ душѣ его лежитъ. И отъ того, что оно такъ *положено* въ мірѣ, положено Отцомъ небеснымъ, — Христова „ланита“, въ противоположность Отцовскому (какъ и *вездѣ*) *милосердію*,—довела человѣчество до мукъ отчаянія, до мыслей о самоубійствѣ, или—до безконечности обезобразила и охаотила міръ. Между прочимъ, на это показываютъ слова Апостола Павла: „*Бѣдный я* человѣкъ, кто *избавитъ меня отъ сего тѣла* смерти“. Это — прямо вопль Каина, и относится онъ безспорно къ винѣ отмѣны обрѣзанія, т. е. къ разрушенію имъ, уже совершенно явно, всего Ветхаго Завѣта, при полномъ непониманіи этого Завѣта. Какъ и вездѣ въ Евангеліи, при „пустякахъ“ ланиты, дѣлая пустое облегченіе человѣку.— Христосъ *на самомъ дѣлѣ невыносимо отяготилъ* человѣческую жизнь, усѣявъ ее терніями и волчцами“ колючекъ, чего-то рыхлаго, чего-то несбыточнаго. На самомъ дѣлѣ, „справедливость“ и „наказаніе“ есть то „обыкновенное“ и то „нормальное“ земного бытія человѣческаго, безъ чего это бытіе потеряло-бы

уравновѣшенность. Это есть то ясное, простое и вѣчное, что именно характеризуетъ „полноту“ отца и его вѣчную основательность,—кончающую короткое короткимъ,—на мѣсто чего стали слезы, истерика и сантиментальность. Настала Христова мука, настала Христова смута.

Приказъ № 1

превратившій одиннадцатью строками одиннадцатимилліонную русскую армію въ труху и соръ, не подѣйствовалъ-бы на нее и даже не былъ-бы вовсе понятъ ею, если-бы уже $^3/_4$ вѣка къ нему не подготовляла вся русская литература. Но нужно было, чтобы—гораздо ранѣе его—начало слагаться пренебреженіе къ офицеру, какъ къ

дураку
фанфарону
трусу,

во всѣхъ отношеніяхъ къ—

ничтожеству

и отчасти къ

вору.

Для чего надо было сперва посмотрѣть на Скалозуба

въ театрѣ

и прочитать, какъ

умывался

генералъ Бетрищевъ, пишущій „Исторію генераловъ отечественной войны",—у Гоголя, фыркая въ носъ Чичикову. Тоже—и самому Толстому надо было передать, какъ генералы храбрятся по виду, и стараются не нагнуться при выстрѣлѣ, но нагибаются, вздрагиваютъ и трясутся въ душѣ и даже на яву.

Когда вся эта литература прошла,—прошла въ геніальныхъ по искусству созданіяхъ „русскаго пера",—тогда присяжный повѣренный Соколовъ „снялъ съ нея сливки". Но еще болѣе „снялъ сливки" Берлинскій Генеральный Штабъ, охотно-бы заплатившій за клочекъ писанной чернилами бумажки всю сумму годового дохода Германіи за-годъ.

„Приказъ № 1" давно готовился. Безспорно, онъ былъ заготовленъ въ Берлинѣ. Берлинъ вообще очень хорошо изучилъ русскую литературу. Онъ ничего не сдѣлалъ иного, какъ выжалъ изъ нея сокъ. Онъ отбросилъ цѣлебное въ ней, чарующее, истинное. „На войнѣ

какъ на войнѣ"... „Эти ароматы намъ не нужны". „Намъ,—нѣмцамъ на рѣкѣ Шпрее..."

...Отъ ароматовъ и благоуханій онъ отдѣлилъ ту каплю желчи, которая несомнѣнно содержалась въ ней. Несомнѣнно—содержалась. И въ нужную минуту поднесъ ее Россіи.

Именно ее.

Ее одну.

Каплю наиболѣе роскошно выработанную золотою русской литературой.

„Пей. Ты-же ее любила. Растила. Холила".

Россія выпила и умерла.

Собственно, никакого нѣтъ сомнѣнія, что Россію убила литература. Изъ слагающихъ „разложителей" Россіи ни одного нѣтъ не литературнаго происхожденія.

Трудно представить себѣ... И, однако—*такъ*.

Къ читателю, если онъ другъ.—Въ этотъ страшный, потрясающій годъ, отъ многихъ лицъ, и знакомыхъ, и вовсе неизвѣстныхъ мнѣ, я получалъ, по какой-то догадкѣ сердца, помощь и денежную и съѣстными продуктами. И не могу скрыть, что безъ таковой помощи я не могъ-бы, не *сумѣлъ*-бы перебыть этотъ

годъ. Мысли и страхи и тоска самоубійства уже мелькали, давили. Увы: писатель—сомнамбула. Лазить по крышамъ, слушать шорохи въ домахъ: а не подержи или не удержи его кто-нибудь за ноги, если онъ проснется отъ крика къ дѣйствительности, ко *дню* и *пробужденію*, онъ сорвется съ крыши дома и разобьется на смерть. Литература великое, само-*забвѣнное* счастье, но и великое въ *личной* жизни горе. Черныя тѣни, уголь: но и молодая ось (заря) эллиновъ. За помощь—великая благодарность; и слезы не разъ увлажняли глаза и душу. „Кто-то помнитъ, кто-то *думаетъ*, кто-то догадался". „Сердце сердцу *вѣсть сказало*". Тоже въ своемъ родѣ сомнамбулизмъ пространствъ, временъ и уже читательской души и ея *благородныхъ сновидѣній*. Естественно каждому *своя душа открыта*, и о своей душѣ я знаю, какъ она ласкаетъ и *бережетъ* (главное!) и хочетъ уѣять и у-интимить (сдѣлать интимною) душу читателя. „Интимное, интимное берегите: всѣхъ сокровищъ міра дороже интимность вашей души! — то, чего о душѣ вашей никто не узнаетъ!" На душѣ читателя, какъ на крыльяхъ бабочки, лежитъ та нижняя *послѣдняя*

пальца, которой не смѣетъ, *не знаетъ* коснуться никто кромѣ Бога. Но вотъ и обратно: значитъ, интимность души читателя взяла внутрь себя интимную душу писателя. „Какъ ты тревоженъ, мой авторъ. Откуда у тебя такіе сны и страданія?“

О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной
Какую навѣваешь *быль*?

Усталъ. Не могу. 2-3 горсти муки, 2-3 горсти крупы, *пять* круто испеченныхъ яицъ можетъ часто спасти *день мой*. Что-то золотое брезжется мнѣ въ будущей Россіи. Какой-то въ своемъ родѣ „апокалипсическій переворотъ“ уже въ воззрѣніяхъ историческихъ не одной Россіи, но и Европы. Сохрани, читатель, своего писателя, и что-то завершающее мнѣ брезжится въ послѣднихъ дняхъ моей жизни. **В. Р.** *Сергіевъ Посадъ, Московск. губ., Кривоколенная Полевая ул., домъ свящ. Бѣляева.*

Сергіевъ посадъ. Типографія П. Иванова.

№ 8—№ 9. Цѣна 70 коп.

В. Розановъ.

Апокалипсисъ нашего времени.

1. Христіанинъ.
2. La Divina cómedia.
3. Странность.
4. Perturbatio aeterna.
5. Надавило шкафомъ.
6. О страстяхъ міра.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ М. С. Елова.

1918.

Время выпуска 6-ой и 7-ой задерживается.

Христіанинъ.

Точно онъ больной и всѣхъ заподозриваетъ, что они больны еще какими-то худшими болѣзнями, нежели онъ самъ. Только къ одному, къ власти, онъ не чувствуетъ подозрѣнія. Власть всегда добра, блага, и собственно потому, что онъ лѣнивъ и власть обѣщаетъ ему его устроить какъ кальку.

Благотвореніе, которое вездѣ восполняетъ недостатокъ, у христіанъ есть нормальное положеніе. Тутъ всѣ благотворятъ „нищую братію" и какая-то нищета имущества, тѣлъ и духа—вотъ христіанство. „Худощавые люди".

Когда славяне позвали „варягъ изъ-за моря" управлять себя, управлять своею „обширною и богатою землею", они показали себя какими-то калѣками уже до рожденія. Ужасно.

Ужасно и истинно. И до сихъ поръ, до нашего даже времени, я наблюдалъ, что всѣ получше земляцы, „покруглѣе", поудобнѣе мѣстоположеніемъ—въ рукахъ нѣмцевъ или евреевъ „Дача Штоля", „имѣніе Винклера". За 15.000 Штоль скупилъ лѣса и земли около трехъ огромныхъ озеръ и уже черезъ семь

лѣтъ ему предлагали за нихъ около 120.000 и онъ не продалъ. Онъ зналъ, что внукъ его возьметъ за нее милліонъ. Это точь-въ-точь „исторія варяговъ". Продалъ безъ сомнѣнія помѣщикъ, обезпечивавшій свою кухарченку съ дѣтьми. „Ей больше 15.000 не надо. А значитъ—и мнѣ"; „я-же проживу при ней. Она меня кстати пускаетъ и въ картишки перекинуться". Поэты.

У насъ вездѣ Нали и Дамаянти. Художественная нація. Съ анекдотомъ.

И вотъ такъ мы живемъ. Но вернемся къ христіанамъ. Нѣтъ яснаго, добраго, веселаго глаза. Всѣ всѣхъ осматриваютъ, всѣ всѣхъ подозрѣваютъ. Всѣ о всѣхъ сплетничаютъ. „Христіанская литература" есть почти „исторія христіанской сплетни". Посмотрите бельлетристику, театръ. Это почти сплошное злословіе.

Какъ ужасно. И еще какъ ужаснѣе любить все это. Стонаю и люблю, стонаю и люблю. Привычка, традиція. Ахъ, „мои бѣдныя родители".

LA DIVINA COMEDIA.

Съ лязгомъ, скрипомъ, визгомъ опускается надъ Русскою Исторіею желѣзный занавѣсъ.

Представленіе окончилось.

Публика встала.

— Пора одѣвать шубы и возвращаться домой.

Оглянулись.

Но ни шубъ, ни домовъ не оказалось.

Странность.

Много въ Евангеліи притчей, но гдѣ-же молитва, гимнъ, псаломъ? И почему-то Христосъ ни разу не взялъ въ руки арфу, свирель, цитру и ни разу не „воззвалъ“? Почему Онъ не научилъ людей молиться, разрушивши въ то-же время культъ и Храмъ? И о Храмѣ явно сказавъ, что Онъ его разрушитъ; какъ и объ Іерусалимѣ—тоже велительно предсказавъ, что онъ падетъ и разрушится. Разрушится такое средоточіе молитвъ и молитвенности, какого конечно не было нигдѣ еще на землѣ. Почему-то таинственно и неспо-

вѣдомо людямъ никогда не пришло на умъ, что Евангеліе есть религіозно-*холодная* книга, чтобы не сказать — религіозно-*равнодушная*. Гдѣ не поютъ, не радуются, не восторгаются, не смотрятъ на Небо; и гдѣ вообще какъ-то ужь очень „не похоже на рай первобытныхъ человѣковъ". Не пришло на умъ никому, что если чѣмъ болѣе всего Евангеліе удивляетъ и поражаетъ, то это религіозною *трезвостью*; близкою уже къ раціонализму; и гдѣ „пары" не идутъ ни „сверху", ни „снизу". „Притча", „притча",—„вышелъ сѣятель сѣять въ поле", —все это какъ будто уже пріуготовлено для Гарнака и священника Григорія Петрова; разсказъ „изъ житейскаго" на поучительную обыденную „мораль"... Сверхъ Гарнака, надобы еще прибавить и Фарраріа: но гдѣ-же тутъ религія? Гдѣ главное *онъ*, псаломъ –существо всего дѣла? И этотъ Царь, *неудержимо поющій Богу?*

„Какъ лань желаетъ на источники водъ, такъ душа моя тоскуетъ по Тебѣ, Боже"...

На большомъ, всетаки очень большомъ протяженіи Евангелія, только всего одна молитва въ семь строкъ. И какъ она вся послѣдовательна, отчеканива. Это—логика, а не молитва;

съ упоминаніями о томъ-то и томъ-то, но безъ умиленія, безъ іоты восторга. Это какое-то продолговатое „дважды — два — Боже“. Развѣ это то, что „молитва мытаря“, великая, прекрасная, *единственная*. Но возьмите-же глаза въ руки: это вовсе *не молитва Христа*, а случайно подслушанная евангелистомъ *именно молитва человѣка и мытаря*. Не поразитъ-ли каждаго, что у Христа въ молитвѣ „Отче нашъ“—*меньше ноумена молитвенности*, нежели у этого бѣднаго человѣка. И вообще мы не слышимъ молитвъ и любящихъ изліяній сердца именно Христа къ Отцу Своему, что такъ естественно-бы отъ Сына, что такъ ожидалось-бы отъ Сына. Люди молятся, но Христосъ не молится. Молится гдѣ-то фарисей, въ отодвинутости, въ отстраненіи, въ какой-то *гадливой тѣни*, и какъ это параллельно и какъ-бы „поддерживаетъ“ уже предрѣшенное разрушеніе Храма и Іерусалима, и всего племени Израильскаго. „*Такъ они молились, и чего-же ждать отъ этого племени*“? Между тѣмъ *теперь* мы уже знаемъ Симона Праведнаго, бенъ-Іохая, равви Акибу. Они молились *вовсе не „такъ“*... Да что, Іона: даже „попавъ въ чрево китово“, онъ всетаки „всталъ

на молитву" и „воззвалъ": не былъ-же и онъ фарисеемъ и не для фарисейства онъ молился. Іона невидимо и прекрасно защищаетъ **и—фарисея**. Евреи молились вовсе не такъ, какъ описано въ Евангеліи, и въ Евангеліи содержится клевета на молитвы евреевъ. Эти утопленные жидки, и Симонъ Праведный, и Акиба, бѣгали, суетились, кричали, кричали на народъ, но никогда „торжественно не становились въ позу", и не произносили словъ, во-истину проклятыхъ. Единственно, въ чемъ они „прегрѣшили противъ Евангелія" — это что такъ любили и Храмъ, и городъ, и народъ...

Какое-то странное угашеніе молитвенности... Сколько путешествуютъ въ „Дѣяніяхъ" и— нѣтъ чтобы помолился кто, отправляясь въ путь: и нѣтъ чтобы помолился кто, вернувшись благополучно съ дороги. А столько— хлопотъ. Нельзя не замѣтить насмѣшливо: „ты слишкомъ хлопочешь, Марѳа,—присядь къ ногамъ Отца Небеснаго"... Но именно Отецъ Небесный загадочно уже на умъ никому не приходитъ: только—**Сынъ**, вездѣ—**Сынъ**, замѣняющій Отца... Между тѣмъ, что-же такое *молитва*, какъ не исчерпывающее отношеніе

дитяти-человѣка къ Богу? И вотъ именно она-то таинственно исчезаетъ. Только разсуждаютъ. И приходитъ на умъ, что арѳу Давида, лиру Аполлона и свирель Марсія,—*мы ожидываемъ весь древній міръ*,—отнынѣ замѣнятъ богословствующіе споры. И что пожалуй таинный-то ноумен Евангелія и всего „дѣла евангельскаго“ и лежалъ въ перемѣнѣ—музыки молитвы на „cogito ergo sum“ богословія.

PERTURBATIO AETERNA.

— Азъ-же глаголю вамъ: **первые да будутъ послѣдними, а послѣдніе станутъ первыми**“.

И спросили Его ученики: „Но, Господи: до какого *предѣла* и въ какихъ *срокахъ*?“

И паки рекъ:

„— Первые да будутъ послѣдними и послѣдніе первыми“.

„—Но, учитель благой: если—*такъ*, то какое-же царство устоитъ, и какая земля останется тверда, если все станетъ класться верхомъ внизъ, а снизу—на-верхъ?“

И рекъ снова:—„первые да будутъ послѣд-

ними, а послѣдніе станутъ первыми".

Ученики-же глаголаша:

„— Но если это не мѣдь бряцающая и не кимвалъ звенящій: то какъ вырости овощу, если будетъ не гряда съ *лежащею* землею, а только *мелькніе* заступа, переворачивающаго землю со стороны на-сторону"?

И паки еще рекъ: „Азъ-же истинно, истинно глаголю вамъ: первые станутъ послѣдними, а послѣдніе первыми".

И убоялись ученики Его. И отойдя—совѣщались. И качали головами. И безмолвствовали.

. . . . . .

Но зашумѣла исторія: заговоры, бури, перевороты. Смятенія народныхъ волнъ. И всѣ усиливаются подняться къ первенству. И никто долго не можетъ его удержать, а идетъ ко дну.

. . . . . .

Во-истину: „Пошли серпъ твой на землю: и пусть пожнетъ растущее на ней" (Апокал.).

„И былъ плачь и скрежетъ зубовный. И земля была пожата".

. . . . . .

. . . . . .

„Онъ (Раскольниковъ) пролежалъ въ больницѣ весь конецъ поста и Святую. Уже выздоравливая, онъ припомнилъ свои сны, когда еще лежалъ въ жару и бреду. *Ему грезилось въ болѣзни, будто весь міръ осужденъ въ жертву какой-то страшной, неслыханной и невѣдомой моровой язвѣ, идущей изъ глубины Азіи на Европу. Всѣ должны были погибнуть,* кромѣ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ избранныхъ. *Появились какія-то новыя трихины, существа микроскопическія, вселявшіяся въ тѣла людей. Но эти существа были духи, одаренные умомъ и волей. Люди, принявшіе ихъ въ себя, становились тотчасъ-же сумасшедшими и бѣсноватыми.* Но никогда, никогда люди не считали себя такъ умными и непоколебимыми въ истинѣ, какъ считали зараженные. Никогда не считали непоколебимѣе своихъ приговоровъ, своихъ научныхъ выводовъ, своихъ нравственныхъ убѣжденій и вѣрованій. Цѣлыя селенія, цѣлые города и народы заражались и сумасшествовали. Всѣ были въ тревогѣ и не понимали другъ друга, всякій думалъ, что въ немъ въ одномъ и заключается истина, и мучился, глядя на другихъ, билъ себя въ грудь, плакалъ и ломалъ себѣ

руки. *Не знали, кого и какъ судить, не могли согласиться, что считать зломъ, что добромъ.* Не знали *кого обвинять, кого оправдывать.* Люди убивали другъ друга въ какой-то безсмысленной злобѣ. Собирались другъ на друга цѣлыми арміями, *но арміи, уже въ полгодѣ, вдругъ начинали сами терзать себя,* ряды разстраивались, воины *бросались другъ на друга,* кололись и рѣзались, кусали и ѣли другъ друга. Въ городахъ цѣлый день били въ набатъ: созывали всѣхъ; но *кто и для чего зоветъ, никто не зналъ того,* а всѣ были въ тревогѣ. *Оставили самыя обыкновенныя ремесла,* потому-что всякій предлагалъ свои мысли, свои поправки, *и не могли согласиться. Остановилось земледѣліе.* Кое-гдѣ люди *сбѣгались въ кучи,* соглашались вмѣстѣ на что-нибудь, *клялись не разставаться,*—но тотчасъ-же начинали что-нибудь совершенно другое, чѣмъ сейчасъ-же сами предполагали, *начинали обвинять другъ друга,* дрались и рѣзались. Начались пожары, начался *голодъ.* Всѣ и все погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спастись во всемъ мірѣ могли только нѣсколько человѣкъ,—*это были чистые и избранные, предназначенные начать но-*

вый родъ людей и новую жизнь, обновить и очистить землю". („Преступленіе и наказаніе", изданіе 1884 года, страница 500—501).

. . . . . .

. . . . . .

„И вышедши, Іисусъ шелъ отъ Храма. И приступили ученики Его, *чтобы показать Ему зданія Храма.*

„Іисусъ-же сказалъ имъ: *видите-ли все это?* Истинно, истинно говорю вамъ: *не останется здѣсь камня на камнѣ.* **Все будетъ разрушено**". (Евангеліе отъ Матѳея, глава 24, 1—2).

. . . . . .

. . . . . .

И спросилъ Его Іоаннъ: „Господи, кто *предастъ Тебя?*" Іисусъ-же отвѣтилъ: —„кому Я, обмакнувъ въ соль, подамъ кусокъ хлѣба— тотъ предастъ Меня". И, обмакнувъ, подалъ Іудѣ. **И тотчасъ вошелъ Сатана въ душу Іудѣ**. *И онъ, вставъ, пошелъ и предалъ Его*".

. . . . . .

. . . . . .

„Не-бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзанія Ти дамъ яко Іуда..."

. . . . . .

. . . . . .

„*И спѣшите колебаться умомъ, и смущаться ни отъ духа, ни отъ слова,* **ни отъ посланія какъ-бы нами посланнаго**, будто-бы наступаетъ уже день Христовъ.

„*Да не обольститъ васъ никто никакъ:* ибо день тотъ не пріидетъ, **доколѣ не прійдетъ прежде отступленіе. и не откроется человѣкъ грѣха. сынъ погибели:**

„**Противящійся и превозносящійся выше всего, называемаго Богомъ, или святынею, такъ что въ Храмѣ Божіемъ сядетъ Онъ. какъ Богъ, выдавая Себя за Бога.**

„И нынѣ вы знаете, что не допускаетъ открыться Ему въ свое время.

„**Ибо тайна беззаконія уже въ дѣйствіи**, только не совершится до тѣхъ поръ, пока не будетъ взятъ отъ среды удерживающій теперь.

„**И тогда откроется беззаконникъ**—тотъ, *Котораго пришествіе* **по дѣйствію сатаны** *будетъ со всякою силою и знаменіями и чудесами* ложными.

„*И со всякимъ неправеднымъ обольщеніемъ погибающимъ*“ („Второе посланіе Апостола Павла къ Ѳессалоникійцамъ“. Глава 2, 2—10).

. . . . . .

. . . . . .

„Я испыталъ тѣхъ, которые **называютъ себя Апостолами**, а они не таковы, и **нашелъ, что они—лжецы**.

„И они говорятъ о себѣ, что они—іудеи, но они не таковы, а—**сборище сатанинское**" (Апокалипсисъ, глава 2, 2—3.

Надавило шкафомъ.

Нельзя иначе, какъ отодвинувъ шкафъ, спасти или вѣрнѣе избавить отъ непомѣрной вѣчной муки цѣлую народность, 5—8—10 милліоновъ людей, сколько—не знаемъ: но вѣдь даже *и одного человѣка задавить—страшно*. И вотъ онъ хочетъ дышать и не можетъ дышать. „Больно", „больно", „больно". Но между тѣмъ кто-же отодвинетъ этотъ шкафъ? Нѣтъ маленькой коротенькой строчки „изъ исторіи христіанства", которая не увеличивала-бы тяжести давленія.

Кто можетъ отодвинуть блаженнаго Августина? Такой могучій, исключительный умъ. Кто можетъ отодвинуть Іоанна Златоуста? Одно имя показываетъ, каковъ онъ былъ въ словѣ. И апостола Павла? И ужъ особенно—Самого?

Между тѣмъ уже одинъ тотъ фактъ, что „живой находится подъ шкафомъ“, содѣлываетъ какое-то содроганіе въ груди. „Какъ живой подъ шкафомъ?“ „Какъ онъ попалъ туда?“ Но—„попалъ“. Притомъ—*кто?* Любимѣйшее дитя Божіе, которое отъ начала міра, отъ созданія міра, было любимѣйшимъ. И никогда Богъ отъ него не отвращался, и онъ Бога никогда не забывалъ.

„Человѣкъ подъ шкафомъ“. — „Человѣкъ въ морѣ“. И корабль останавливается, чтобы вытащить изъ моря. Бросаютъ сѣти, канаты, плавательные круги. „Вытащенъ“. „Спасенъ“. И всѣ радуются. „Человѣкъ спасенъ“. И не сѣтуютъ, что „корабль задержался“, что „долго ждали“. Лишь-бы „спасенъ былъ“.

По сему „ходъ христіанскаго корабля“ уже потому представляется страннымъ, что „человѣкъ въ морѣ“ и никто не оглянется, всѣ его забыли. *Забыли о человѣкѣ.* О, о, о...

Но „начать отодвигать шкафъ“ и значитъ „начинать опять все дѣло сначала“. „Не приняли Христа, а онъ—Богъ нашъ“. Какъ можно *нам-то колебаться въ принятіи Христа?*

Надавила и задавила вся христіанская исторія. Столько комментаріевъ. Столько „при-

мѣчаній". Развѣ можно сдвинуть такія библіотеки. На евреевъ давитъ Императорская Публичная Библіотека, British Museum. И въ Испаніи — Университетъ въ Саламанкѣ, въ Италіи—„Амвросіанская библіотека" въ Венеціи. Господи,—всѣ эти библіотечные шкафы надавили на грудь жидка изъ Шклова. А вѣдь знаете, какъ тяжелы книги.

Но человѣкъ не умираетъ, и все стонетъ. Хоть-бы умеръ. Цивилизаціи легче было-бы дышать. А то невозможно дышать. Все стоны, стоны.

Странная стонущая цивилизація. *Уже зло пришествія Христа выразилось въ томъ, что получилась цивилизація со стономъ.* Вѣдь Онъ проповѣдывалъ „лѣто благопріятное". Вотъ *въ этомъ по крайней мѣрѣ—Онъ ошибся:* никакого „лѣта благопріятнаго" не получилось, а вышла цивилизація со стономъ.

Какая-же это „благая вѣсть", если „человѣкъ въ морѣ" и „шкафъ упалъ на человѣка"?

Нѣтъ: во всемъ христіанствѣ, въ христіанской исторіи,—и вотъ какъ она сложена, вотъ какъ развивался ея спиритуализмъ,—лежитъ какое-то зло. И тутъ немощны и „цвѣточки" Франциска Ассизскаго и Анатоль Франсъ и

Ренанъ.

„Человѣка задавило“ и не хочу слушать „Подражаніе Ѳомы Кемпійскаго“.

Три гороскопа.

Есть-ли связь планеты съ обитающимъ ее человѣкомъ? И вообще —„о чемъ горитъ солнышко?“... „Что тамъ въ звѣздахъ?“ Шепчутъ-ли звѣзды? Или онѣ только тупо и пусто, какъ пустыя горошки, движутся по Копернику?

Объ этомъ говорили гороскопы. „Глупое знаніе древности“, на которое при новой наукѣ не обращается никакого вниманія. Но „новая наука“ даже за мѣсяцы только не предрекла и теперешней войны. И, словомъ, „savoire *pour prévoire*“ Конта —именно въ контизмъ его, именно въ позитивизмъ, какъ-то плоско расшиблось...

Что-же такое „гороскопы“? Что такое они? Демонъ? Богъ? но и христіане, по крайней мѣрѣ на деревняхъ, „вѣрятъ въ судьбу“? Т. е. вѣрятъ въ тайную власть звѣздъ. И вотъ поразительно, что никто изъ историковъ не обратилъ вниманія на три поразительные

„гороскопа“ и, значитъ, „велѣнія звѣздъ“—уже *исполнившіеся*, и—какъ мы эти три гороскопа уже знаемъ изъ исторіи, и какъ исторіи о нихъ самымъ подробнымъ образомъ разсказываютъ. Громко. Отчетливо. Во услышаніе цѣлаго міра.

Одинъ гороскопъ—Іисуса Христа.

Другой гороскопъ—Апостола Петра.

Третій гороскопъ—Константина Великаго.

Одинъ былъ распятъ.

Другой—распятъ-же, но головою книзу.

Третій—Константинъ Великій—казнилъ сына, по подозрѣнію въ связи его съ мачехою Фаустою. Этотъ сынъ былъ Крисп. А самую жену, очевидно любимую, онъ сжегъ въ раскаленной банѣ.

Достоевскій въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ, что „планета не поощадила Создателя своего“... О, о, о... Что-же, *она*—*земля*? Но онъ самъ говоритъ о „землѣ бѣлой“, о землѣ „благой“. Не онъ-ли сказалъ и „Святая Русь“? Вѣдь это—тоже планета, часть планеты. Нѣтъ, ужъ если что, то сама планета—бѣла, хороша. И мы въ нее должны повѣрить. Ну, такъ,—просто повѣрить. И вотъ эта нами „вѣримая“ планета (по Достоевскому) сложила о *Немъ*

и о *нихъ* такіе ужасающіе, въ исторіи *безпримѣрные, леденящіе душу* гороскопы...

О, стоны...

Стоны, стоны, стоны...

Но,—которые такъ совпадаютъ со страхомъ евреевъ „перемѣнить туфлю“.

Но какъ содержится въ этомъ ревущій подобно Малыптрему,—величайшій океаническій водоворотъ,—ревъ Апокалипсиса:

— Они называютъ себя „Апостолами“, а на самомъ дѣлѣ—исчадія Сатаны. И говорятъ: „Церкви“, а на самомъ дѣлѣ—это сборища бѣсовскія...

О, о, о...

Ужасы, ужасы...

Неумѣны планеты.

„И поколебались *основанія земли*“ (Евангеліе о моментѣ распятія Христа)...

„И сошелъ — *въ Преисподнюю*“... Ужасы, ужасы..,

Какъ разбита планета. И гдѣ-же, земля, твои осколки?

Гороскопы, гороскопы, гороскопы. О, какъ ужасны ихъ предсказанія. Неужели это шопотъ звѣздъ? Бѣгите, историки,—зажимайте уши.

„Блаженны уши, которые ничего изъ человѣческой исторіи не слышали“.

О страстяхъ міра.

Здѣшняя земная жизнь—уже таитъ корни не земной. Какъ и сказано:

Есть упоеніе *въ бою*...

Это—Марсъ и Арей, *божества* Марса и Арея; они—какъ *боги*.

И бездны мрачной *на краю*,
И въ бушеваньи урагана,
И въ дуновеніи чумы...
Безсмертья, можетъ быть, залогъ.

Какая мысль,—какая мысль, *инстинктомъ*,—скользнула у Пушкина! Именно—„залогъ безсмертія и *вѣчной жизни*“. Это—„адъ“ и „элизій“ древности: и какъ мы не повѣримъ имъ и ихъ *реальности*, разъ у христіанина—Пушкина, у стихотворца—Пушкина, ничего о древнихъ въ минуту написанія стихотворенія не думавшаго, вдругъ и неожиданно, вдругъ и невольно, вдругъ и неодолимо—скользнула мысль къ грекамъ, къ римлянамъ, къ тартару и мыслямъ Гезіода и Гомера...

* * *

Также мнѣ ничего не приходило въ голову при видѣ гусеницы, куколки и бабочки, которыхъ я видалъ съ одной стороны—однимъ существомъ; но, съ другой стороны,—столь-же выразительно, столь-же ярко, и —**не** *однимъ*.

Тогда, войдя къ друзьямъ, бывшимъ у меня въ гостяхъ, Каптереву и Флоренскому, естественнику и священнику, я спросилъ ихъ:

„Господа, въ гусеницѣ, куколкѣ и бабочкѣ—которое-же **я** ихъ?

Т. е. „я“ какъ-бы одна буква, одно сіяніе, одинъ лучъ.

„Я“ и „точка“ и „ничего“.

Каптеревъ молчалъ, Флоренскій-же подумавъ сказалъ: „конечно, бабочка есть энтелехія гусеницы и куколки“.

„Энтелехія“ есть терминъ Аристотеля, и—одинъ изъ знаменитѣйшихъ терминовъ, имъ самимъ придуманный и филологически составленный. Одинъ средневѣковый схоластъ продавалъ чёрту душу, только чтобы хотя въ сновидѣніи онъ объяснилъ ему, что въ точности Аристотель разумѣлъ подъ „энтелехіею“. Но, между прочимъ и другимъ, у

Аристотеля есть выраженіе, что „душа есть *энтелехія* тѣла“. Тогда сразу опредѣлилось для меня—изъ отвѣта Флоренскаго (да и что иначе могъ отвѣтить Флоренскій, какъ це—это именно?), что „бабочка“ есть *на самомъ дѣлѣ*, тайно и метафизически, душа гусеницы и куколки.

Такъ произошло это, космогонически потрясающее, открытіе. Мы можно сказать втроемъ *открыли* душу насѣкомыхъ, раньше, чѣмъ открыли и *доказали* ее—у человѣка.

Сейчасъ—давай разсматривать, „что-же она дѣлаетъ?“

„Собираетъ нектаръ“, „копается въ цвѣтахъ“. Это подозрительно и *осудительно*. Но, въ самомъ дѣлѣ: у бабочки—совершенно *нѣтъ* **рта**, нѣтъ—ничего для питья и для принятія твердой пищи. Кантеревъ сейчасъ-же сказалъ, какъ натуралистъ: „у *нихъ* (онъ не сказалъ—у *всѣхъ*)—нѣтъ кишечника (я читалъ гдѣ-то, что, кажется—иногда, „не бываетъ кишечника“): значитъ это—что *нѣтъ и желудка*? Конечно! Что за странное ...существо, бытіе? „Не питающееся“. Да долго-ли онъ живутъ? Есть „мухи-*поденки*“. Но, во всякомъ случаѣ

онѣ,—и уже безспорно *всѣ*,—*совокупляются*. Значитъ, „міръ будущаго вѣка" по преимуществу опредѣляется какъ „совокупленіе": и тогда проливается свѣтъ на его неодолимость, на его—ненасытимость, и, „увы" или „*не увы*",—на его „священство", что оно—„таинство" (таинство — брака). Открытій — чѣмъ дальше, тѣмъ—больше. Но явно, что у насѣкомыхъ, коровъ, вездѣ,—въ животномъ и растительномъ мірѣ, а вовсе не у человѣка одного,—оно есть „таинство, небесное и святое". И, именно, въ центральной его точкѣ—*въ совокупленіи*. Тогда понятна „застѣнчивость половыхъ органовъ": это—„жизнь будущаго вѣка", входимъ черезъ это „въ загробную жизнь", „въ жизнь будущаго вѣка".

И, странно: тогда понятно *наслажденіе*. „Эдемъ, блаженство". Но и болѣе: обратимся къ „нектару цвѣтовъ". Дѣйствительно, поразительно то особенно, что насѣкомыя (не одинъ бабочки, но и жуки, „бронзовки", „Божіи коровки") копаются *въ громадныхъ относительно себя* половыхъ органахъ деревьевъ, и особенно—кустовъ, розъ и проч., олеандровъ, и т. п., орхидей. *Чѣмъ цвѣты представляются для бабочекъ?* Вотъ-бы что надо понять, и *что*

понять — ноуменально необходимо. Не невозможно, что для каждаго насѣкомаго „дерево и цвѣтокъ“, „Садъ и цвѣты“ представляются „раемъ“... Да *такъ* вѣдь и есть: „лѣто, тепло; и—Солнце“, въ лучи котораго онѣ влетаютъ; а съ цвѣтовъ—„собираютъ нектаръ“. Тогда нельзя не представить себѣ „соединеніе нектара и души“, и что „душа—для нектара“, а „нектаръ—для души“. Въ третьихъ—миѳъ: „боги *на Олимпѣ* питаются нектаромъ и амброзіей“. Но и раньше миѳа и параллельно ему: сколько свѣта проливается въ то, „почему-же цвѣты пахнутъ“, и отчего-же у растеній цвѣты—такіе огромные, что въ нихъ—„влѣзть цѣлому насѣкомому“. Совершенно ясно: *величина* цвѣтовъ—именно чтобы насѣкомому войти *всему*. Тогда понятно, что „растенія слышатъ и думаютъ“ (сказки древности), да и вообще понятно, что онѣ—„съ душою“!! О, *какой* еще... Но вотъ что еще интереснѣе: что „садъ“, вообще всякій садъ, „нашъ и земной“, есть немножко и *не* „нашъ“ и *не* „земной“, а тоже „будущаго“, „загробнаго вѣка“. Тогда понятно— „*зима* и лѣто“, ибо *изъ зимы* и *черезъ зиму*, пролежавъ зиму „въ землѣ“, зернышко „встаетъ изъ гроба“. Въ сущ-

ности, по закону — какъ и „куколка“ бабочки.

Такимъ образомъ „наши поля“ суть „загробныя поля“, „загробныя нивы“. Тогда конечно:

Когда *волнуется желтѣющая нива*

. . . . . .

То въ небесахъ *я вижу Бога*

. . . . . .

Вообще понятно — особенное и волнующее чувство, испытываемое человѣкомъ въ саду, испытываемое нами въ полѣ, испытываемое нами въ лѣсу, и — *раціоналистически никакъ необъяснимое*. Понятно, почему „Антей, прикасаясь къ матери-землѣ, опять возстановляется въ силахъ“. Въ „древности“ вообще тогда очень многое объясняется; какъ равно у Достоевскаго его знаменитая, потрясающая, стоящая *всего* „язычника-Гете“ фраза: „Богъ взялъ сѣмена *изъ міровъ иныхъ* и посѣялъ на землю. И взрасло все, что могло взрасти. Но *все на землѣ живетъ черезъ таинственное касаніе мірамъ инымъ*“. Тутъ — **все** язычество уже. Уже напр. весь Египетъ, храмы коего — суть прямо рощи, колонны-деревья, непремѣнно — деревья, съ „капителями-цвѣтами“. Да и каждый-то нашъ „садъ“ есть „таинст-

венный храмъ", и не только „посидѣть въ немъ—поздоровѣть", но и „посидѣть -помолиться". Да и понятны тогда „священныя рощи древности", понятна—„тишь вечера въ лѣсу", понятна вообще „природа какъ святая", а—не „одно богословіе святое". Но вернемся еще къ страстямъ и огню.

Таинственно черезъ нихъ и „оргіи" дѣйствительно проглядываетъ „жизнь будущаго вѣка". Вѣдь посмотрите, какъ подозрительно и *осудительно* ласкаются мотыльки съ цвѣтами. Дѣйствительно—нельзя не осудить. Но ...„жизнь будущаго вѣка", и... что подѣлаешь. Тогда понятно, откуда и почему возникли всѣ „оргіи древности"; и что „безъ оргій не было древнихъ религій". Вспомнишь „нектаръ и амброзію" Олимпа: и какъ на рисункахъ, *не смѣя глядѣли*,— я объяснилъ въ „Восточныхъ мотивахъ" египетскія мистеріи. Просматривая теперь въ коллекціи монетъ—монеты всевозможныхъ странъ съ такими-же точь-въ-точь изображеніями,—я уже смотрѣлъ на нихъ съ родствомъ и нѣмымъ пониманіемъ: невысказанно и безмолвно, какъ я-же въ „Восточныхъ мотивахъ", древніе передали на нихъ любимыя свои „мистеріи", о которыхъ они о

всѣхъ и *всѣ* знали, но никто ни единымъ словомъ не обмолвился, какъ „о жизни будущаго вѣка", о которой *въ этой земной жизни навсегда должно быть сохранено молчаніе.*

Но... Такъ вотъ *откуда*—„наши страсти"!!? Эти по истинѣ „протуберанцы солнца" (факелы, извержения изъ тѣла солнца). Да ужъ и солнце не въ „страстяхъ"-ли? По-истинѣ, „и на солнцѣ есть—пятна". Одинъ Христосъ безъ-пятенъ. А наше солнышко—съ „грѣшкомъ", горитъ и грѣетъ, горитъ и грѣетъ; горитъ -и вотъ „по-веснѣ", когда его—„больше", когда оно не только грѣетъ, но и начинаетъ—горячить: тогда животныя всѣ забеременѣваютъ. Сила солнца, „грѣшокъ" солнца—переходитъ въ животныхъ. Все—тучнѣетъ, животы у всего—разрастаются. Сама земля—проситъ зерна... И вотъ—Деметра, вотъ—Гея, и опять—„Волнующая нива", которая „вздымаетъ грудь къ молитвѣ". Что-же: сказать христіанству, что это—„не правда"? И что въ однихъ духовныхъ академіяхъ—богословіе? Но гораздо болѣе богословія въ подымающемся быкѣ на корову... И вообще:

Весна идетъ, весна идетъ
Вездѣ идетъ зеленый гулъ

это—язычество, которое—*истинна*; это—
Аписъ и Серапеумъ

Каптеревъ задумался и сказалъ: „Открыто наблюденіями, что въ гусеницѣ, *обвившейся кокономъ, и которая кажется*—умершею, начинается *послѣ этого дѣйствительно перестраиваніе тканей тѣла.* Такъ что она не мнимо умираетъ, но — дѣйствительно умираетъ... Только на мѣстѣ умершей гусеницы начинаетъ становиться что-то другое; но—именно *этой* опредѣленной гусеницы, какъ-бы гусеницы-лица, какъ-бы съ фамиліею и именемъ: ибо изъ всякой гусеницы, *сюда положенной*, и выйдетъ—*вонъ та бабочка.* А если вы гусеницу эту проткнете, напр., булавкою, тогда и бабочки изъ нея не выйдетъ, ничего не выйдетъ, и гробъ останется гробомъ, а тѣло—не воскреснетъ". Тогда-то, тогда мнѣ стало понятно, почему феллахи (потомки древнихъ египтянъ, явно сохранившіе всю ихъ вѣру) плакали и стрѣляли изъ ружей въ европейцевъ, когда тѣ перевозили муміи, извлеченные изъ пирамидъ и изъ царскихъ могилъ. Они, эти нигилисты, заживо умершіе и протухшія, не понимая ни жизни, ни смерти,

„нарушили цѣлость тѣла ихъ (феллаховъ) предковъ", и тѣмъ лишили ихъ „воскресенія". Они, о чемъ предупредилъ Каптеревъ, какъ-бы „разломили муміи пополамъ", или, все равно—пронзили иголкою „куколку", послѣ чего она пріобщается *смерти безъ бытія*. Тогда мысль, что „бабочка есть душа гусеницы", „энтелехія гусеницы" (Флоренскій)—еще болѣе утвердилась у меня: а главное—мнѣ разъяснилось и *доказалось*, что египтяне въ миѳахъ и открытіяхъ „загробнаго существованія" или тѣмъ-же путемъ, какъ я, т. е. черезъ „бабочку" и ея „фазы". Что это и для нихъ былъ путь открытій и „откровеній", да вѣдь и вообще это—*истинно*. Тогда для меня ясны стали саркофаги—муміи. Кто видалъ ихъ въ нижнемъ этажѣ Эрмитажа, тотъ не могъ не поразиться раньше всего—**величиною**. Зачѣмъ—такой **большой**, огромный саркофагъ—для муміи умершаго, вовсе не большой? Но вѣдь это—„коконъ" куколки-человѣка; и строился саркофагъ непремѣнно и именно по образцу кокона. Вотъ такой-же продолговато-гладкій, какъ рѣшительно всякій коконъ, какой безусловно строитъ себѣ всякая гусеница—и египтянинъ себѣ изгото-

влялъ, „окукливаясь“. И тѣло клалось — въ пелены, „завертывалось“, какъ гусеница напр. шелковичнаго червя, прямо „выпуская изъ себя“ шелковыя нити, прямо дѣлаетъ себѣ „шелковую рубашечку“.

Поверхъ этого жесткая, коричневатая скорлупа. Это — саркофагъ, всегда коричневатаго однообразнаго тона. Кажется, онъ гипсовый, и тогда онъ и по матерьялу естества сходенъ съ оболочкою куколки, ибо что-то въ родѣ извести, какъ выпота, даетъ и тѣло гусеницы. Вообще, ритуалъ погребенія у египтянъ вышелъ изъ подражанія именно фазамъ окукливающейся гусеницы. А главное—отсюда скарабей-жукъ-насѣкомое, какъ „символъ перехода въ будущую, загробную жизнь“. Это знаменитѣйшее изъ божествъ Египта, можно сказать—самое великое ихъ божество. Почему—насѣкомое? По—*тотъ-же путь*, какъ и у меня, разсужденія. Главное, самое главное, что египтяне открыли,—это „насѣкомо-образную будущую жизнь“. И увѣковѣчили, что—именно *отсюда они ее открыли* —насѣкомыми, скарабеемъ. Это — благороднѣйшая память, т. е. воспоминаніе и благодарящая память за свою родную исторію и

чѣмъ главнымъ образомъ былъ полонъ смыслъ ихъ исторіи. Отсюда уже множество объясненій, напр. почему во время „пиршествъ“ и особенно во время „домашнихъ пирушечекъ“ —любили они „проносить мумію“. Это—не печаль, не страхъ, не угроза. Не „окаянная угроза христіанъ смертью“,—могущая прекратить всякую радость. Напротивъ, напротивъ: это—радость обѣщанія вѣчной жизни и *радости этой жизни, ея воздушности, ея прелести*. „Мы теперь радуемся еще не совершенно“, „мы—въ пирѣ, но еще не полномъ“. „Лишь когда все кончится—мы войдемъ въ полную любовь, въ совершенный пиръ, съ яствами, съ питіями. Но вино наше будетъ неистощимо, и питія наши—сладостнѣе всѣхъ здѣшнихъ, потому-что это будетъ чистая любовь, и матерьяльная-же, вещественная, но уже какъ-бы изъ однихъ лучей солнца, изъ свѣта и пахучести и эссенціи загробныхъ цвѣтовъ. Потому-что ужъ если **гдѣ цвѣты** то—**за гробомъ**“.

Небесныя розы! небесныя розы!!—и египтяне вносили мумію.

Сергіевъ посадъ. Типографія И. Иванова.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Вып. 1

К читателю 3
Рассыпанное царство 5
Как мы умрем 8

Вып. 2

Мое предвидение 17
Последние времена 21

Вып. 3

Плоткая 33
Что-то такое случилось 34
Зачем они звонят? 35
Дед 36
"Москва слезам не верит" 37
Об одном народце 38
Ежедневность 44
Солнце 45

Вып. 4

Правда и кривда 47
Из таинств Христовых 57
Сын 58
Солнце 59

Вып. 5

Немножко и радости 61
Опасная категория 64
Огонь Христов 66
Тайны мира 67
Искушение в пустыне 69
Солнце 70
Religio ..... —
Туфля 72

Вып.6-7
Переживание.....75
Почему на самом деле евреям нельзя устраивать погромов.....76
Еще о "сыне" в отношении "Отца".97
Приказ №I.....I00
Вып.8-9
Христианин.....I07
La Divina comedia.....I09
Странность..... -
Perturbatio aeterna.....II8
Надавило шкафом.....II9
О страстях мира.....I25

Вып.I0
Солнце.....I39
Корень вещей..... -
Древность и христианство..... -
Домострой.....I40
Христос между двух разбойников.I44
Совет юношеству.....I46